

ИМЕЮЩИЙ УШИ,  
ДА УСЛЫШИТ

по следам  
громких дел



ТАТЬЯНА  
СТЕПАНОВА



По следам громких дел

Татьяна Степанова

**Имеющий уши, да услышит**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Степанова Т. Ю.**

Имеющий уши, да услышит / Т. Ю. Степанова — «Эксмо»,  
2021 — (По следам громких дел)

ISBN 978-5-04-161046-3

Она. Клер Клермонт – англичанка, опередившая свое время, европейски образованная интеллектуалка, феминистка, красавица. Ей посвящал поэмы и стихотворения Байрон. Он. Евграф Комаровский – граф, генерал-адъютант Александра I, дуэлянт, жандарм и, как ни парадоксально, тоже писатель, автор знаменитых исторических «Записок». Детектив. 1826 год. Клер Клермонт и Евграф Комаровский становятся соратниками в расследовании серии ужасных преступлений. В поместье Иславское зверски убита семья – судейский чиновник, его юная дочь и служанка. И это лишь звено в цепи кровавых событий, потрясших Одинцовский уезд много лет назад, связанных с именем того, кого крестьяне называют Темным. Стараясь раскрыть мрачные мистические тайны прошлого и жестокие убийства, подвергаясь опасности, рискуя и не отступая, они проходят свой путь навстречу истине. Два харизматичных антагониста, два абсолютных антипода, которых тянет силой вспыхнувших чувств друг к другу...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161046-3

© Степанова Т. Ю., 2021  
© Эксмо, 2021

## Содержание

Моим читателям!	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

# Татьяна Юрьевна Степанова

## Имеющий уши, да услышит

\* \* \*

*Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.*

© Степанова Т. Ю., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

\* \* \*

**Татьяна Степанова** – подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло 40 романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный ИНСТИНКТ» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

## Моим читателям!

*Будучи обладателем глубоких знаний и незаурядного таланта, именно генерал от инфантерии Комаровский стал инициатором и непосредственным исполнителем идеи создания нового вида войск, наделенных правоохрнительными функциями.*

*Директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации Виктор Золотов о генерале Евграфе Комаровском.*

*Кто сравнится в высшем споре красотой с тобой?  
Точно музыка на море нежный голос твой...<sup>1</sup>*

*Стансы для музыки. Лорд Байрон – Клер Клермонт. Март 1816 г.*

Мои друзья! В новом детективе, который я предлагаю вашему вниманию, вы встретитесь с новыми героями. Перед вами предстанут дорогие моему сердцу Клер Клермонт и Евграф Комаровский. Она – англичанка, писательница, оперная певица, подруга лорда Байрона, мать его дочери Аллегры. Он – генерал-адъютант Александра Первого, начальник его личной охраны, создатель и командир Корпуса внутренней стражи. Столь непохожие, во многом противоположные друг другу яркие исторические личности. Клер Клермонт, опередившая свое время, европейски образованная, рафинированная интеллектуалка, феминистка, красавица. Ей посвящали поэмы и стихотворения Байрон и Шелли. И Комаровский – «силовик», «державник», роялист, бретер, дуэлянт, жандарм и, как ни парадоксально, тоже писатель, автор знаменитых исторических «Записок» и переводчик французского любовного романа, которым зачитывались в то время. Они всегда так нравились мне оба! Я представляла: а какой детектив мог бы получиться, если бы вдруг они встретились волей судьбы?

После смерти Байрона Клер Клермонт в 1825 году приехала в качестве английской гувернантки в Россию, где ее приняли тепло, радушно, широко, по-русски хлебосольно и шумно, отогрели ее раненное потерей английское сердце...

В моем новом детективе-триллере она и генерал Евграф Комаровский встречаются в июле 1826 года, когда Россия переживает шок, погружаясь в пучину реакции и «закручивания гаек» после лавины арестов, допросов, доносов, ссылок и казней, последовавших за восстанием декабристов.

Два харизматичных антагониста, два абсолютных антипода, которых тянет силой вспыхнувших чувств друг к другу словно магнитом, становятся соратниками в деле расследования целой серии ужасных и кровавых убийств, потрясших Одинцовский уезд под Москвой – этот дачный, помпезный, псевдоблагополучный фасад империи. Стараясь раскрыть мрачные мистические тайны прошлого и жестокие убийства, пытаясь докопаться до истинных причин происшедшего и изобличить настоящего убийцу, подвергаясь опасности сами, рискуя и не отступая, они совершают шаг за шагом свой путь навстречу друг другу.

Создавая этот детектив, работая с материалом, я поражаюсь тому, насколько остро и злободневно связаны история и современность, когда события прошлого так напоминают нашу непростую реальность.

Нет, мои читатели, это НЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ детектив. Это детектив о жизни в 20-х годах. Ну а век выбирайте сами. Я намеренно включила в текст романа некоторые вещи, вполне

---

<sup>1</sup> Перевод К. Бальмонта.

современные и хорошо узнаваемые. Я сделала это потому, что порой кажется: мы стали глухи и слепы к урокам прошлого. Я хочу предоставить своему читателю свободу выбора – как именно читать и понимать мой новый детектив. Более широкий взгляд позволит разглядеть все его грани, все скрытые метафоры и параллели. Возможно, что-то покажется вам новым, удивительным. Однако если уж жандармский генерал Евграф Комаровский, командир Корпуса внутренней стражи (предшественника Росгвардии), перевел и написал любовный роман – а это исторический факт, то уж мне как автору детективов-триллеров сам бог велел слегка раздвинуть рамки классического детектива. Будет жарко! Будет жутко! Не оторветесь!

И еще: почему я написала эту книгу именно сейчас? Да просто потому, что я давно хотела создать других героев в другой эпохе, отличных от известных вам.

Если уж совсем честно, дорогие мои друзья, в наше время глобальной пандемии надо торопиться жить и писать, и не стоит откладывать задуманное в долгий ящик... Планы надо воплощать как можно скорее... Поэтому моя новая книга с новыми героями – надеюсь, вы полюбите их – появилась сейчас.

«Звезда пленительного счастья», воспетая Пушкиным, становится путеводной звездой для писательницы Клер Клермонт и «силовика» генерала Евграфа Комаровского даже в темном царстве хаоса, зла, насилия, крови и леденящих душу жутких событий, которым они вместе, плечом к плечу, противостоят.

*Татьяна Степанова*

## Глава 1

### Зверь

*15 ноября 1796 года, горный массив Бюкк,*

*Южные Карпаты, Австро-Венгрия*

Вокруг дома и на подходах к нему не было следов. Дом – старый, обмазанный глиной и побеленный, крытый потемневшей соломой, занесенной снегом, прилепился к склону горы. Просторный двор, огороженный плетнем. За домом виднелось еще несколько приземистых строений – сараи и хлев для скотины, словно палка торчала из-за крыш жердь – «журавль» дворового колодца. Дальше были только деревья – не плодовые, узловатые, могучие вязы и буки в осенней багряной листве, запорошенной снегом.

И нигде ни одного следа – ни во дворе, ни вокруг дома, ни у хлипкой плетеной калитки. Евграф Комаровский сразу это отметил. И еще он увидел, что дверь дома закрыта. А вот окно высажено, решетчатая деревянная рама расщеплена от мощного удара. Но и под высаженным окном никаких следов...

*Стюрнетег...*

Это венгерское слово испуганно прошептал за его спиной кто-то из мужиков, примчавшихся к дому в долине ранним утром, когда в деревне ударили в набат. Евграф Комаровский остановился в этой горной деревушке у перевала – нашел ночлег на постоялом дворе при корчме. Он торопился в королевский замок, где осенью австрийский императорский двор развлекался охотой на оленей со сворами гончих. Вместе с двором из веселой Вены в горы Бюкк перекочевал и патрон Евграфа Комаровского граф Николай Румянцев – личный представитель государыни императрицы при европейских дворах. Евграф Комаровский был послан к нему со срочной депешей от его отца, фельдмаршала Петра Румянцева-Задунайского, и все дни пути нещадно гнал лошадей. Но в Южных Карпатах погода в ноябре обманчива – утром еще светило солнце, а днем полил дождь, сменившийся сильным снегопадом, какие только и бывают в горах. Провожатый Комаровского из местных сказал, что в такую непогоду, да еще ночью, перевал не пройти, поэтому надо ждать утра на постоялом дворе при корчме. А едва рассвело, всех постояльцев поднял с постелей набат.

Пытаясь добиться, что случилось, Комаровский из путаных объяснений так ничего и не понял – он не знал венгерского, на котором говорили местные крестьяне. С просьбой помочь и не оставить их, несчастных, в большой беде к нему обратился на немецком корчмарь Соломон:

– Вы иностранец, но человек военный, это сразу заметно, несмотря на вашу гражданскую одежду, будьте нам защитой, потому что у нас, здешних, не хватит духа пойти туда... сейчас... Он, возможно, все еще там... *Пирует среди крови и растерзанных тел...*

– О ком ты говоришь? – спросил перепуганного корчмаря Комаровский. – Кто он?

– *Ваделлат...*

Крестьяне запрягли лошадей в брички, Комаровский оседлал своего коня и взял с собой оба заряженных дорожных пистолета. Всю его прежнюю официальную службу в качестве офицера по особым поручениям и дипкурьера Российской коллегии иностранных дел они исправно выручали его в дорожных приключениях – а их было немало. Однако сейчас он недоумевал: что стряслось у горного перевала и с чем придется столкнуться среди снега и гор?



То, что около этого одинокого дома на отшибе не было никаких следов в снегу, поразило его поначалу несказанно. Он повернулся спиной к дому и посмотрел со склона – долина реки, виноградники... Бледное утреннее солнце сквозь снеговые тучи над перевалом. Место было очень красивым, живописным. И уединенным.

Все венгры, приехавшие из деревни вместе с ним, так и сидели в своих бричках, никто не вышел. Они с ужасом пялились на дом и шептались, указывая на нетронутый девственно-белый снег и высаженное окно.

Евграф Комаровский понял – они ждут, когда он, проезжий иностранец, первый войдет в дом, где неизвестно что случилось ненастной ночью.

– Кто живет здесь? – спросил он еврея Соломона, вроде как настроенного более решительно, чем остальные.

– Симон Мандль и его семья.

– Он из вашей общины?

– Нет. Он приехал сюда из Вены при Марии-Терезии, при ней были большие гонения на нас. Мандль не хотел проблем, он крестился, принял вашу христианскую веру, чтобы его только оставили в покое. Он был ювелир.

– Мандль! – Комаровский громко крикнул, вызывая хозяина дома. Нет ответа. Он открыл калитку и кивнул корчмарю – за мной!

– Он купил виноградник. – Корчмарь шел позади него, словно прячась. – Для венской синагоги Мандль стал изгоем, он мне говорил, что устал от ненависти и междоусобиц, поэтому купил виноградник в долине. Хотел вести жизнь философа на природе, но так и не смог.

– Почему? – Комаровский внимательно оглядывал дом, дверь. Ударил в нее кулаком – заперто.

– Такова натура человеческая. В Вене он был ювелиром, а здесь стал ростовщиком. Давал ссуды под большие проценты. Я у него тоже брал в долг. И многие из местных. Не стучите в дверь, мой храбрый молодой господин, они нам уже не откроют... И к нему не через дверь *Он* вошел, нет... Что такое для *Него* дверь и все запоры земные?

Евграф Комаровский ударил в дверь плечом – крепкая, дубовая, закрытая изнутри, видимо, на засов, она не поддавалась поначалу. Тогда он ударил ногой в ботфорте. И дверь слетела с петель.

Венгры в бричках громко и испуганно начали восклицать, словно ждали, что из тьмы дверного проема на безрассудного иностранца кто-то выскочит и набросится.

Евграф Комаровский шагнул через порог.

В нос ударил тошнотворный запах крови.

В сенях на деревянном полу лежала старуха в ночной сорочке. Ее худая дряблая рука все еще сжимала медный подсвечник с сальной свечой. Тело находилось возле узкой деревянной лестницы, что вела из сеней прямо на чердак.

И еще было что-то не так с телом старухи – Комаровский в первый миг это даже не осознал... Но потом...

Тело было обезглавлено.

Голова старухи лежала в растекшейся луже крови у самой стены. Она откатилась туда и смотрела на вошедших открытыми глазами.

Темный, мертвый взгляд...

Корчмарь Соломон глухо вскрикнул за спиной Комаровского и закрыл полное бледное лицо руками.

Отрубленная голова старухи в сенях словно стерегла еще большие ужасы, что ждали их в глубине дома.

– Ничего здесь не трогай, Соломон, ни к чему не прикасайся, – приказал Евграф Комаровский еврею-корчмарю и прошел в горницу.

Здесь тоже пахло кровью, как на бойне.

Она была везде – на деревянном, натертом воском полу. На стенах, обклеенных дешевыми венскими обоями. Даже на низком потолке – алые брызги крови.

В горнице еще один труп: полная женщина с темными волосами, заплетенными на ночь в косы, тоже в ночной рубашке. Ей была нанесена ужасная рубленая рана, рассекшая спину. На полу и здесь валялась восковая свеча. И еще бронзовый витой подсвечник ханукия на девять свечей. До светлого праздника Хануки было еще далеко, но в доме Мандля, принявшего христианскую веру, к нему уже готовились тайно и благоговейно. Победа света над тьмой... И смерть...

Комаровский оглядел горницу – вся она была заставлена тяжелой дубовой добротной мебелью. Но сейчас в ней царил разгром – створки шкафа и комода распахнуты, посуда и белье на полу среди кровавых луж. Дубовое кресло и стол опрокинуты.

Однако окно здесь было целым, не выбитым.

И Комаровский, стараясь не наступить в кровавые лужи, направился в следующую комнату – девичью светелку.

Та, что в ней обитала, лежала на полу возле разобранной на ночь кровати.

– Фамарь, – выдохнул за спиной Комаровского Соломон. – Дочка Симона, ей семнадцать лет... Он пришел за ней, неужели вы сами не видите, именно она и была *Ему* нужна... Она девственница.

Нет, уже нет – потому что сразу было видно, что несчастная подверглась самому грубому и жестокому насилию. Ее длинные черные косы туго обмотали вокруг ножки кровати, подол ночной сорочки разорвали до самой груди. Ноги девушки были широко раскинуты. Ее горло было перерезано, рана зияла. На белой груди алели раны.

– Он искусал ее, терзал ее грудь, перегрыз горло! – дрожащим шепотом возвестил корчмарь Соломон.

Евграф Комаровский ощутил, как его бросило сначала в жар, потом в холод, но он перешибил себя и приблизился к телу убитой.

– Это не укусы, а ножевые раны, – возразил он корчмарю. – Я такое видел в Париже во время революции, когда творили насилие над женщинами. И на горле рана от клинка, а не от зубов.

– У *Него* у самого клыки, как клинки!

– Кто Он? О ком ты все твердишь, объясни мне толком.

– Das biest!<sup>2</sup>

– Что еще за чудовище?

– Тот, кто приходит ночью. – Корчмарь Соломон испуганно глянул на высаженное окно девичьей светелки. – И днем. Для него и дневной свет не помеха.

Евграф Комаровский подошел к окну, перегнулся через подоконник, внимательно оглядел расщепленную от удара раму – на дереве явно были видны вмятины. Щепки и осколки стекла валялись под окном снаружи на девственно-белом снегу, не имеющем следов.

– Соломон, прекрати трястись, подойди, убедись сам – с улицы сюда никто не забирался. Окно выбили изнутри, из комнаты. А на раме следы обуха топора. И женщина в горнице... кто она?

– Вторая жена Мандля, мачеха Фамарь, а старуха – их служанка Ханна.

– Спину жене Мандля и голову служанке рубили топором. Где сам Мандль? Где их спальня?

Соломон указал в сторону горницы – еще одна дверь, ведущая в хозяйскую спальню.

---

<sup>2</sup> Чудовище (нем.).

Там они и обнаружили Симона Мандля – босого, как все они в доме, в ночной рубаше возле постели в кровавой луже. На голове его зияла ужасная рана, череп словно треснул, и один глаз вытек. В углу спальни стоял раскрытый сундук, замок которого был сбит, а на полу множество раскрытых бархатных футляров – пустых.

– Он ведь ювелир? – спросил Комаровский, разглядывая сундук и мертвого Мандля.

– Здесь больше ростовщик. Но занимался ювелирным делом порой, там его мастерская. – Корчмарь указал на низкую дверь, ведущую из спальни.

Открыв ее, они попали в узкую каморку без окон, больше напоминавшую алхимическую лабораторию: стол, заставленный тиглями, жаровнями, спиртовками, ретортами, весами, со множеством странных инструментов, полки на стене – с них все было сброшено на пол: книги, бумаги. На полках явно рылись и что-то искали.

– Ювелир, ростовщик, а где его изделия, где камни, золото, деньги? – спросил Комаровский. – Соломон, надо сообщить в местный магистрат – это ограбление. Их всех убили ночью для того, чтобы ограбить. Все произошло очень быстро.

– *Ему* не нужно золото и камни, все богатства земные *Ему* не надобны. *Он* пришел за ней – за Фамарью, неужели вы не понимаете, мой молодой храбрый господин? *Он* пришел за ее кровью и девством! А семью убил, потому что крови человеческой *Ему* всегда мало!

– Ты сейчас говоришь, словно не о человеке, не о разбойнике-грабителе.

– А он и есть *не человек*! – страстно выкрикнул Соломон. – Вы что, слепой, что ли? Вы сами разве не видели, что вокруг дома ни одного следа? И это не снег их занес, нет! Снег уже был глубок, когда все здесь случилось, и следы бы непременно остались, напади на них обычный душегуб-грабитель. Но это не человек здесь был, а Зверь вершил кровавый пир свой!

Комаровский не стал спорить с потрясенным до глубины души корчмарем. Он вернулся сначала в светелку, затем прошел в горницу и оттуда попал в сени.

Лестница на чердак...

И мертвая служанка с отрубленной головой... Свеча в ее руке... Ее что-то подняло с постели, встревожило, испугало... Она зажгла свечу и пошла посмотреть в холодные сени, а здесь...

Он начал медленно подниматься по лестнице, затем обернулся – отрубленная голова служанки, казалось, неотступно следила за ним своим ужасным мертвым взглядом.

Лаз на чердак был прикрыт дубовой дверью, но когда Комаровский поднял ее, на него дохнуло ледяным холодом – в соломенной крыше среди стропил зияла дыра. Он залез на чердак, но при его высоком росте распрямиться так и не смог, согнувшись, подобрался к дыре и выглянул наружу. Снег на соломенной крыше представлял собой месиво. И то же было на крыше сарая. Комаровский вылез из дыры на крышу. Глянул вниз – следов на снегу не было нигде, вокруг сарая тоже. До сарая расстояние вроде как приличное, строения стояли не вплотную, однако он примерился и...

Прыгнул!

Крыша сарая едва не рухнула под его весом. Но он сразу понял – здесь до него уже кто-то побывал – солома и снег вперемешку. А дальше крыша хлева и опять – никаких следов внизу.

Комаровский прыгнул вниз. Соломон, не в силах находиться в одиночестве в страшном доме, полном мертвецов, выскочил наружу.

– Соломон, подойди сюда, к сараю, и снова посмотри сам – ты человек умный. Вот они, улики, и путь, по которому убийца-грабитель проник к ним – через соломенную крышу, перепрыгнув на нее с крыши сарая.

Комаровский прошел к хлеву, обошел его кругом – сзади на соломенной крыше тоже вмятина.

– Он прыгал с крыши на крышу, пока не достиг дома.

– А как он, по-вашему, попал на крышу хлева?

Комаровский глянул на деревья, что росли за плетнем двора Мандля. Вязы, буки, толстые стволы. Он перепрыгнул через плетень и, увязая в снегу, где опять не было следов, вошел под сень заснеженных деревьев. И сразу увидел бук, ветви которого были свободны от снега: кто-то стряхнул его оттуда. До крыши хлева с дерева можно тоже легко перепрыгнуть, а рядом росло другое дерево и еще, и еще...

Следы на снегу он обнаружил только у седьмого ствола, уже углубившись в буковую рощу. Цепочка следов вела в лес, в самую чащу. И это были следы не зверя, а человека.

Перелезший с трудом через плетень корчмарь подошел, робко глянул.

– Что и требовалось доказать, Соломон. – Евграф Комаровский указал ему на следы. – Не лесное чудовище, не упырь, как вы себе все вбили в голову, а хитрый и жестокий убийца-грабитель. Возможно, вы его даже знаете, он кто-то из местных, поэтому так старается все замаскировать. Как ты думаешь, куда ведут эти следы?

Соломон ничего не ответил. Молчал.

– Что за лесом?

– Старое аббатство. Оно давно пустует.

– Пойдем, глянем на сие аббатство. – Евграф Комаровский решительно двинулся по глубокому снегу в лес, забыв обо всем. Кровь убитых взывала к отмщению. Пистолеты были при нем.

Корчмарь испуганно вцепился в его рукав.

– Мой господин, вы не понимаете! Постойте! Погодите! Опомнитесь!

– Я вашего зверя – ваделлата или как он там у вас именуется – сей же час вытащу из его логова, и вы все убедитесь... Долой страхи и суеверия! Убийца предстанет перед правосудием!

– Опомнитесь! Он вас убьет! Куда вы один?! До аббатства далеко через лес – вы туда только затемно выйдете, – а ночь – его время силы!

Комаровский остановился, обернулся.

– Так далеко до аббатства?

– Да! Да! Не ходите туда, мой храбрый господин! Вы же ехали в королевский замок – до него всего пятнадцать верст.

До замка, где императорский двор развлекался оленьей охотой и где его ждал граф Николай Румянцев, к которому он вез срочную депешу государыне Екатерине и отвечал за нее головой, всего пара часов пути верхом. А до аббатства день пути...

Он вспомнил, как старый фельдмаршал приказывал ему ехать как можно скорее и нигде не задерживаться... сегодня уже пятнадцатое ноября... завтра шестнадцатое...

Над головой хрипло каркнул ворон.

Евграф Комаровский увидел его – черная птица сидела на ветке бука, взъерошив перья.

– Даже добравшись до его логова, – тихо возвестил корчмарь Соломон, – вы можете и не узнать, что перед вами именно *Он*. Зверь мастер отводить глаза. *Он* меняет обличье, у него разные ипостаси. Вы узнаете, что это он, лишь когда он вопьется клыками в ваше горло. Отступитесь сейчас, не дразните судьбу... Видите? – Он указал дрожащим пальцем на черную птицу. – Знаете, кто это?

– Старая ворона. – Евграф Комаровский понял, что не суждено ему сегодня добраться до аббатства – дело, ради которого он был послан так далеко, не могло ждать.

– Может, это *Он* и есть, – шепотом объявил корчмарь. – Явился сам поглядеть на вас. Берегитесь, мой господин, он вас уже видел и запомнил. Возможно, вы еще с *Ним* встретитесь... не сейчас и не здесь, потом... позже... Ибо он вездесущ. И да поможет вам ваш христианский бог. Потому что у нас в горах Бюкк говорят – кто встал у Зверя на пути, тот обречен на его ярость и месть.

Евграф Комаровский резко взмахнул рукой, пугая ворона. Но тот не слетел с ветки. Глядел на Комаровского в упор черным злым глазом, словно изучал, запоминал.

Тогда Комаровский достал пистолет, взвел курок и, не целясь, выстрелил.

Черная птица камнем свалилась в снег, запятнав его алыми брызгами.

Корчмарь Соломон хрипло вскрикнул и, бормоча молитвы, кинулся прочь – подальше от тихого заснеженного леса и от этого сумасшедшего русского.

## Глава 2

### Невинность в опасности, или чрезвычайные приключения<sup>3</sup>

*При сем ударе судьбы первое несчастье было, которое не колебало до тех пор приятной и спокойной жизни.*

*Ретиф де ла Бретон. Невинность в опасности*

**29 июля 1826 года, усадьба Иславское под Москвой**

Красногрудая птичка малиновка вспорхнула на плечо статуи Актеона – алое пятно, словно кровь на мраморном теле. Актеон, терзаемый псами, превращающийся в оленя, чтобы быть разорванным заживо на куски. Уже не человек в обличье своем – с оленьими рогами, но еще и не зверь лесной. Нечто среднее, пограничное...

Клер Клермонт остановилась перед статуей на берегу пруда. Гуляя по окрестностям, она всегда приходила сюда – статуя Актеона как магнит притягивала ее к себе. И сейчас она тоже замедлила шаг.

На мраморном лице застыло выражение страдания, но в прекрасных мужских чертах скрывалось и что-то еще – нечто такое, чего Клер не могла пока понять. Точно такое же выражение было и на лице Юлии, когда она водрузила урну с прахом на каменную полку в часовне.

– Ну, вот и все, – произнесла Юлия. – Вот и конец.

То, что промелькнуло в тот миг в чертах Юлии, – страдание... отчаяние... боль. Но и нечто другое – темное, грозное, не сулящее покоя и света. Словно далекая еще гроза над вечерним лесом.

Юлия Борисовна Посникова, сорокадвухлетняя вдова обер-прокурора, хозяйка и подруга Клер, с семьей и детьми которой мисс Клермонт в качестве английской гувернантки приехала в Россию из Италии полтора года назад, вернулась в свое подмосковное имение Иславское этим вечером. Она была в глубоком трауре, даже не сменив запыленного дорожного платья, она попросила Клер и управляющего имением Кристиана Гамбса сопровождать ее на семейное кладбище Посниковых к часовне. Она возглавляла маленькую процессию (кроме Гамбса, их сопровождал еще дюжий выездной лакей), прижимая к груди мраморную урну с прахом того, кого безмерно любила и ради кого была, по ее словам, готова на все.

Ни слезинки она не пролила ни по пути на кладбище, ни в часовне.

Лишь спустя какое-то время тихо попросила оставить ее в часовне одну, наедине с прахом.

На страже у дверей часовни остался лакей. Клер с управляющим Гамбсом медленно пошли по липовой аллее к барскому дому. Но с мельницы прибежали мужики – в который уж раз заело чудо техники, изобретенное и усовершенствованное Гамбсом: механическое водяное колесо. И управляющий отправился разбираться на мельницу: он был великий энтузиаст своего дела. А Клер Клермонт прошла дальше по аллее, однако...

Вечер был таким чудесным, тихим, теплым...

Летний зной сменился приятной прохладой.

Солнце еще не село, окрашивая в пурпур верхушки столетних парковых лип. Нежные пастельные сумерки разливались, словно акварельные краски. Клер свернула с аллеи и пошла

---

<sup>3</sup> Название галантного романа Ретиф де ла Бретона, переведенного с французского графом Евграфом Комаровским.

к каскаду из двух прудов с проточной водой, поступающей через прорытый узкий канал из Москвы-реки. Пруды и канал Посниковым не принадлежали, это были уже уголья каких-то их здешних соседей – Клер не вникала в эти детали, однако гулять там очень любила.

Она направилась к скульптурной группе Актеона и псов. На противоположной стороне пруда виднелся старый Охотничий павильон – он был давно закрыт. Вообще в этих местах, некогда облагороженных ландшафтным архитектором, сейчас царило приятное грустное запустение. Все заросло травой, кустами.

Дикий шиповник цвел...

И эти белые маленькие цветы в луговой траве, что пахли медом на вечерней заре...

На взгляд Клер, место чем-то напоминало парк королевской резиденции Казерте под Неаполем, где она была лишь однажды. Уменьшенную и бедную копию Казерте. Русские без ума от Италии, это она заметила еще во Флоренции и в Равенне, где была так тепло принята в русских кругах. Правда, смотрели на нее там не только с откровенным восхищением, но и с нескрываемым любопытством. А за спиной шептались и сплетничали.

Однако она привыкла и к шепоту за спиной, и к сплетням, и к любопытным взглядам, и даже к нескромным вопросам.

Все эти десять лет, пока Байрон...

До самой его смерти два года назад в Миссолонгах...

Их связь...

Конечно, всем хотелось знать, как у них все было с лордом Байроном десять лет назад, когда родилась их общая дочь Аллегра. И потом, когда они вроде бы так бурно расстались, однако...

Нет, они так и не смогли до конца порвать все нити, что их соединяли.

И это было мучительно...

И даже его смерть не положила этой связи конец.

Даже гибель их ребенка...

Даже это – ее отъезд – нет, бегство в Россию – от прошлого, от воспоминаний, от угрызений совести, от боли, от тьмы, что обрушилась на нее в ее двадцать шесть лет...

От страсти, сходной с болезнью, что он ей внушал...

Юлия Борисовна Посникова, ее добрая подруга и хозяйка, возможно, поймет Клер лучше – теперь, после того как ее любовник и владыка ее сердца и дум юный Петр Каховский ушел в мир иной, повешенный на Кронверке Петропавловской крепости 13 июля вместе с другими восставшими декабристами.

Не будет уже чисто женского любопытства, замаскированного под сострадание, останутся лишь понимание и полное единство взглядов на самые важные главные вещи.

Так думала Клер Клермонт, медленно шествуя по берегу пруда к каналу, к маленькой «римской» беседке, откуда открывался прекрасный вид на окрестные леса, на рощу, на каменный мост через канал.

Она достигла беседки, села на мраморную скамью, положила на колени ридикюль и достала из него лорнет и... нет, не веер.

Она никогда не пользовалась веером и не носила его с собой, как и прочую дамскую модную дребедень. Она достала маленькую походную чернильницу, перо и свой дневник.

Многое хотелось записать, но она раздумывала: а надо ли это делать? После арестов и обысков, ночных визитов жандармов, что бесконечно сотрясали Москву и Петербург вслед за декабрьскими событиями прошлого года... как это русские теперь говорят... не всякое лыко в строку пишется... Пусть она иностранка, английская гувернантка, однако в России в нынешние времена никто не застрахован от жандармского произвола.

В общем-то, все события прошлого года касались в большей степени не ее, Клер, а Юлии Борисовны Посниковой. Ее встреча на весеннем балу с молодым красавцем Петром Каховским

в Петербурге. Они только вернулись из Италии в Россию, и это был первый бал Юлии после ее траура по умершему мужу – обер-прокурору. И вот сразу роман и пылкий любовник. И страсть, ставшая чем-то большим, чем простой адюльтер сорокалетней красивой дамы-вдовы и гвардейского офицера-бретера.

Клер наблюдала их роман со стороны и думала, что вскоре все кончится новым браком Юлии Борисовны, дело к этому шло.

Но в декабре произошли известные события на Сенатской площади. И все изменилось в одночасье.

Они в то время жили в Москве, перед восстанием на Сенатской Петр Каховский заставил Юлию вместе с детьми и домочадцами уехать из Петербурга в их московский дом, словно знал или предчувствовал...

Когда его арестовали и заключили в Петропавловскую крепость... И все месяцы несвободы – зиму, весну, начало лета... о мой бог...

Тяжело об этом вспоминать... А писать в дневнике? Ей, иностранке?

Клер обмакнула перо в чернильницу и написала:

«Косые лучи заходящего солнца освещали темные леса за Москвой-рекой и саму беседку, каждый лист был полон солнца, подобно алмазу, сверкающему всеми оттенками»<sup>4</sup>.

В кустах, окружающих беседку плотной стеной, хрустнула ветка. И еще раз...

Клер посадила кляксу на страницу.

Красногрудая птичка-малиновка, словно преследуя Клер, выпорхнула из кустов и села на мраморные перила беседки, кося на молодую темноволосую женщину в черном платье из тафты глазом-бусинкой.

Малиновка моя...

Так звал ее он, Байрон...

За ее пунцовый румянец на щеках в шестнадцать лет...

За сладкий голос, когда она пела ему у клавикордов...

Румянец сменился пепельной нездоровой бледностью, когда умерла их девочка, дочка...

А голос так и остался – прекрасный оперный голос, колоратурное меццо-сопрано... Она пела и здесь, в Иславском, куда они переехали в мае из московского дома, вечерами, еще до отъезда Юлии в Петербург.

Снова в кустах хрустнула ветка...

Клер невольно обернулась – кто там? Что за животные водятся здесь, в этих русских лесах? Олени? Как в английских парках?

Весь июнь Юлия Борисовна состояла в активной тайной переписке с петербургской родней и теми, кому она платила, по ее словам, немалые деньги, чтобы добиться известий о положении узников Петропавловки, а позже о ходе Высокого уголовного суда, судившего декабристов и членов тайных обществ. Получив очередное письмо в начале июля, она начала вдруг спешно собираться в Петербург.

Клер она оставила в Иславском вместе с детьми – восьмилетней Дуней и шестилетним Ваней. Клер очень любила маленьких – когда она смотрела на светловолосую Дуню, ей все казалось, что это ее Аллегра... вот ей уже и восемь лет... И она как солнечный луч.

Однако 13 июля в Иславское спешно прискакал курьер-посыльный с письмом от Юлии – та наказывала Клер отправить детей к ее двоюродной тетке Фонвизиной в бронницкое поместье (оттуда на следующий день приехала гувернантка-француженка), а самой остаться ждать ее, Юлию, дома в Иславском.

«Вы, Клер, мой единственный друг, будьте же мне опорой в мои скорбные дни», – писала Юлия.

---

<sup>4</sup> Из пятого «русского» дневника Клер Клермонт.



Клер сначала не могла взять в толк, почему детей так срочно отсылают из Иславского к тетке, почему Юлия в таком состоянии отчаяния и бешенства...

Но через два дня пришли вести из Петербурга о казни декабристов, включая Петра Каховского.

И Клер все поняла.

Юлия приехала уже с урной и прахом своего возлюбленного.

– Я выкупила его тело, – объявила она Клер, выходя из дорожной кареты. – В России за деньги возможно все. Я купила его мертвое тело – они хотели похоронить казненных тайком на острове Голодае. Я приехала туда ночью, люди, которым я заплатила... Клер, а Джульетта могла бы купить за деньги тело Ромео или Меркуцио? А в России сейчас все возможно. Они не зароят его в яму, как падаль, на этом острове Голодае. Я устроила ему свои похороны на берегу Невы. Я купила воз смолистых дров и две бутылки первосортного оливкового масла. Я сделал ему погребальный костер, как вы с Байроном и Мэри тогда для Шелли на берегу моря... Я уложила его тело на костер, как мертвого Ахиллеса, и сама подожгла все факелом. Я это смогла сделать, я вынесла все это там, на берегу Невы – весь этот ночной погребальный обряд на античный лад! И я собственноручно собирала его еще неостывший прах в каменную урну. Вот, руки обожгла – смотрите, Клер... Он упокоится в Иславском, в месте, которое я так люблю и где он со мной... мой любимый... мой мальчик... мой названный муж, так и не успел побывать.

Клер в тот миг показалось, что Юлия Борисовна на грани истерики.

Но нет. Она была очень сильной женщиной.

Ни слезинки.

Она лишь сбросила шляпу с черной вуалью и вытащила шпильки из подколотых сзади светлых волос. Они рассыпались волной по ее плечам.

Как такое опишешь в дневнике?

Она, Клер, и так без записей не забудет всего этого до конца своих дней.

В роще у моста через канал слышался стук колес – среди деревьев промелькнула дорожная карета. Дорога не была проезжей и торной, кто-то ехал в Иславское – на ночь глядя.

Стук колес по мосту...

Хруст веток за спиной...

Клер снова обернулась.

Никого там в кустах.

Сумерки...

Красногрудая птичка-малиновка, что так и сидела доверчиво на перилах беседки, внезапно испуганно вспорхнула и взмыла в вечернее небо.

Клер поднялась со скамьи, положила дневник, чернильницу и свой ридикюль на перила. Она следила глазами за каретой – та уже на середине моста над каналом. Кто же это едет в Иславское?

Как вдруг...

Этот звук...

Хриплый вздох за спиной.

Она не успела обернуться – сильный удар в спину сбросил ее со ступеней беседки прямо на землю, во влажную прибрежную грязь.

Она получила удар в бок – под ребра, а затем ее прижали к земле, наступив на шею, вдавливая ее лицо прямо в грязь. Рванули что есть силы платье на спине, схватив за ворот, ткань треснула, разошлась. Клер ощутила, как чьи-то руки ощупывают, глядят ее спину, блуждая по коже, смыкаясь на талии, залезая под подол, рвут шелковые нижние юбки, задирая их высоко, и...

Клер закричала, забилась. Она кричала громко и отчаянно, взывая о помощи, и одновременно пыталась перевернуться на бок. Но тот, кто напал на нее, наступил ногой ей на спину и с силой ударил кулаком по голове. И еще раз, и еще – избивая ее жестоко и беспощадно. Она кричала, захлебывалась криком, чувствовала, как на нее наваливается сверху тяжесть – прижимая к земле все крепче, кто-то пытался добраться до самых ее интимных мест. Ее пытались изнасиловать – жестоко и страшно.

Всплеск воды!

Клер услышала его и закричала что есть сил.

Нападавший схватил ее сзади за волосы, рванул, потащил, лишь сильнее вминая ее лицо в прибрежную грязь, не давая ей повернуть шею и взглянуть, чтобы увидеть... чтобы хоть что-то увидеть...

Голоса... кто-то кричит...

Пальцы нападавшего царапали ее кожу, она слышала тяжелые хриплые вздохи... словно зверь... дикий зверь напал на нее и готов был вонзить свое жало...

Всплеск воды...

Хватка нападавшего внезапно ослабла. Клер почувствовала, что ее уже не сжимают в тисках.

Хриплый вздох, сдавленный возглас – словно разочарование, бешенство в нем и... страх?

Она снова попыталась повернуть голову, чтобы увидеть насильника, но получила удар по голове кулаком – прямо в висок – и потеряла сознание.

Вершины Швейцарских Альп...

Вдали крыша их виллы Диодати...

Он поворачивает к ней свое прекрасное лицо, известное всему миру по портретам, что украшают титульные листы изданий его поэм...

И говорит ей: «Клер, ничто уже никогда не разлучит нас. Мы вместе навсегда. Ты подарила мне свет, когда я пребывал в кромешном мраке и боли...»

Он обнимает ее крепко...

Он несет ее на руках.

Ее длинные, густые, темные, как ночь, волосы касаются травы.

Запах речной воды.

Клер открыла глаза.

– Тихонько... вот так... все хорошо... вы в полной безопасности. Не бойтесь.

Русская речь – она все еще плохо понимала ее на слух, хотя и имела редкий дар к языкам и прилежно учила русский сразу по приезду в Россию. Голос мужской – хрипловатый глубокий баритон, взволнованный.

Кто-то склонился над ней.

Чье-то лицо как в тумане.

– Кто вы? Как вас зовут?

– Я Клер, – прошептала Клер Клермонт на родном английском языке. – Я живу здесь, в Иславском.

– Вы англичанка? – Вопрос был задан ей уже на очень хорошем английском, и сразу после этого обладатель глубокого баритона громко спросил по-русски: – Есть у нас что-то, чтобы в чувство ее окончательно привести и ссадины обработать быстро? Соли нюхательные и духи?

– Откуда, ваше сиятельство? Вы такое с собой не возите. Водка есть польская в поставце! Может, водки ей дать нюхнуть?

Переговаривались по-русски, смысл ускользал от Клер. Ее голова гудела. Но она сделала над собой усилие и...

Огляделась.

Она лежала на кожаных подушках дорожной кареты, рядом с ней находился крупный мужчина – с его одежды ручьем текла вода. Кто-то еще пытался заглянуть в карету, но мужчина каждый раз резко отталкивал любопытного и от открытой двери, и от окна. Вот в окно просунулась рука со штофом и батистовым платком, уже намоченным водкой. Крупный мужчина, который словно где-то искупался, забрал платок и...

– Я тихонько, – шепнул он. – Вы поранились... а это спирт...

Он провел платком по ее виску и щеке. Кожу обожгло, и Клер застонала. Он сразу отдернул руку с платком.

– Вы кто? – прошелестела она, глядя на незнакомца.

– Я еду в Иславское к вдове моего покойного приятеля Посникова, моя фамилия Комаровский.

– Это вы меня спасли? – прошептала Клер Клермонт и снова впала в забытие.

## Глава 3

### Резня

#### *Пять дней спустя. Август 1826 года*

– Он не уезжает из-за вас, Клер. Все эти пять дней граф Евграф Комаровский... генерал, командир Корпуса внутренней стражи, давний приятель моего покойного мужа, не покидает пределы здешних угодий. И даже вчерашняя безобразная сцена не сподвигла его гневно крикнуть – «карету мне, карету!», как в той новой комедии нашего посланника в Персии. – Юлия Борисовна Посникова искоса глянула на Клер. – Все дни, пока вы были больны, он по два раза присылал своего денщика узнать о вашем самочувствии. На третий день, когда вы встали с постели, я сказала денщику, чтобы он передал графу, что вам лучше. И денщик вернулся с лукошком малины, которую генерал купил для вас в деревне. Словно у нас в Иславском нет своей малины, словно его генеральская малина слаще и полезнее!

Клер Клермонт вспомнила, как горничная, робко постучав в дверь, поставила на столик рядом с кроватью блюдо спелой отборной малины. Это было первое, что съела Клер за три дня своего затворничества.

Малина... Малиновка моя...

Они с Юлией шли по липовой аллее Иславского. Первый день, точнее, уже вечер, когда Клер наконец-то решила не просто выйти из дома, но как-то начинать обычную прежнюю жизнь.

– Граф Комаровский был поражен, когда я сказала ему, что вы та самая Клер Клермонт, – продолжала Юлия Борисовна, мягко беря подругу под руку. – Он и так был сильно взволнован, когда... Клер, когда они привезли вас сюда без памяти, то... Он сам лично нес вас на руках из кареты до вашей комнаты. Клер, ваше черное платье... вы видели, что с ним стало – лохмотья, так он завернул вас в свой редингот. Благо, тот остался сухим, когда он прыгнул в воду с моста, услышав женские крики. Граф был весьма лаконичен со мной насчет всех обстоятельств происшедшего, он не желает, чтобы посторонние знали подробности... оно и понятно. Но я не посторонняя – я ваша подруга, Клер. Я узнала все от его денщика – он сказал, что они, проезжая по мосту, услышали отчаянные женские крики, и граф решил, что женщина тонет в канале. Он прыгнул прямо с моста в воду. А потом понял, что кричат с берега. Он доплыл до него, напавшего на вас негодяя от него отделяли заросли кустов. Он его не видел. Мерзавец сбежал. А Комаровский подхватил вас на руки, как в том французском романе-водевиле, что в его переводе так популярен до сих пор. Герой-спаситель, рыцарь без страха и упрека. – Юлия произнесла это зло и горько. – Он решил, что после этого я приму его здесь, в своем доме, с распростертыми объятиями. Но он ошибся, Клер.

Они медленно брели по аллее, заходящее солнце щедро дарило оранжевый свет своей густой зелени и толстым столетним стволам. Юлия предложила Клер пройти до дома стряпчего Петухова: его дочь Аглая часто переписывала для них ноты. Ей как раз отдали на переписку партитуру новой итальянской оперы, пришедшую с недавней почтой из Москвы. Юлия хотела этим самым отвлечь Клер от того, что случилось – ноты, опера, пение... Конечно же, никто не собирался петь именно сейчас, но это все же какое-то занятие – прогулка пешком к домику стряпчего, беседа, свежий воздух...

Клер вспомнила, как два дня не поднималась с постели. В первый день она не вставала от головокружения и головной боли, на второй день – от слабости, стыда и отчаяния. Юлия заходила к ней, садилась рядом с кроватью, гладила ее по голове, тихонько уговаривала, как

больного ребенка, потом выскальзывала прочь, а Клер поворачивалась на спину и смотрела в потолок.

После того как ее пытались изнасиловать, она ощущала себя... странное какое чувство... словно что-то сломалось внутри... Хотя ведь нападавший не успел осуществить задуманное – ее спасли от наивысшего стыда и позора, однако где проходит та грань – между позором большим и меньшим в такой ситуации?

Платье...

Горничная хотела его сразу выбросить, однако Клер не позволила этого сделать. Того, что она была завернута в чужой мужской редингот, и того, как ее раздевали, облачая в ночную сорочку, она не помнила. Юлия передела ее сама, не пустив в комнату даже горничную. На третий день, когда Клер встала с постели, она осмотрела свое черное платье – сзади оно было разорвано почти пополам, все вымазано грязью. Рваными и грязными были также и все нижние шелковые юбки. В жаркие летние дни Клер не надевала корсета. Когда она смотрела на свое располосованное платье, она с ужасом представляла, в каком же виде она была там, на берегу, когда они все – этот генерал, его денщик и кучер – увидели ее: голой и грязной, подобно последней непотребной девке.

Тогда же, на третий день своего заточения, преодолевая слабость, она попросила принести ей много горячей воды и большой таз. В доме в Иславском имелась прекрасная ванная, обустроенная на английский манер, но у Клер не было пока сил выйти наружу. И она остервенело мылась прямо у себя в комнате, стоя в тазу и поливая всю себя горячей водой из трех кувшинов. Терла до красноты кожу мыльной мочалкой, осматривала ссадины на груди и бедрах, оставленные мелкими камнями, когда он, насильник... Когда он пытался сзади овладеть ею, разглядывала ужасные багровые синяки на ребрах, когда он избивал ее в кустах у беседки.

Вымывшись, она завернулась в простыню и рухнула на кровать. Ей не хватало присутствия духа глянуть в зеркало на свое разбитое лицо.

– Я не приняла вашего спасителя графа Комаровского в своем доме, – продолжала Юлия Борисовна. – После того как он собственноручно отнес вас в вашу спальню, он два часа, пока мы хлопотали вокруг вас, просидел в гостиной – в своей мокрой одежде, как был. Я велела, правда, зажечь там камин, чтобы он хоть немного обсох. Потом мы коротко поговорили. Он сказал, что приехал из Москвы поклониться могиле своего друга – моего мужа. Я ответила, что зимой, будучи в Москве, когда он привез известие о восшествии на престол нынешнего государя и искоренял московскую крамолу, учиняя дознание и розыски, аресты и допросы многих моих друзей, родственников и знакомых, подозревая их в причастности к восстанию и участию в тайных обществах, о своем дружеском долге перед моим покойным мужем он даже и не вспомнил. Я сказала ему, что благодарна за ваше спасение, Клер, но ему лучше покинуть Иславское, где ему не рады. Он был уязвлен в своей гордыне и... уехал ночью. Но он покинул только мой дом, понимаете? Уже на пороге он объявил мне, что лично проведет дознание здесь о том, кто напал на вас, и найдет преступника. Я повторяю – известие о том, что вы та самая Клер Клермонт, поразило его несказанно. Конечно, он слышал о вас – вы же знаете, сколько любопытства и слухов вы породили в свете, когда приехали в Россию. Он слышал о вас не просто светские новости, но думаю, интересовался вами и по долгу службы. Жандармы ведь всегда в курсе всего происшедшего. А вы очень заметная фигура, Клер. Все европейские газеты писали о вас, о Байроне, о ваших отношениях и вашей битве за дочь. Так что генерал слышал о вас. И вот увидел. И поэтому он не уезжает отсюда. Мне еще раньше писали мои друзья из Петербурга – все то время, пока заседал Высокий уголовный суд, генерал Комаровский не мог показаться в свете во многих домах, где он прежде бывал как друг и сановник такого ранга. Его просто перестали принимать – сказывались больными, уезжали. От него стали шарахаться как от чумы, понимаете? В глаза ему никто, конечно, ничего такого не говорил, но он стал изгоем там, где привык прежде к дружескому свободному общению. Сразу после вынесения

приговора он написал на высочайшее имя прошение о бессрочном отпуске. Думаю, речь идет о его желании получить отставку. Он отправляется в свое орловское имение к семье. Едет тайно – в простой дорожной карете, без графского герба, без обслуги, без лакеев и конвоя. Этакое Инкогнито из Петербурга! Остановился на пару дней в Москве, но и там, по слухам, после его зимнего визита, закончившегося арестами и обысками, от него тоже многие отвернулись. Не принимают, избегают встречи. Так он решил посетить Иславское! Меня решил навестить! Это после того, как они там в своем уголовном судилище приговорили любовь всей моей жизни к казни!

Юлия Борисовна прижала кулак к губам. И умолкла.

Липовая парковая аллея закончилась. Они шли через луг к домику стряпчего Петухова. Клер смотрела на закат – эти пять дней... Они изменили всю ее жизнь здесь. Она словно другая теперь, потому что ощутила, как хрупко и эфемерно все вокруг нее – весь привычный жизненный уклад, вся благостная выдуманная фальшивая реальность. Она не имеет ничего общего с настоящим.

– На третий день, когда он узнал от денщика, что вам лучше, он снова прислал его с малиной и с покорнейшей просьбой – он хотел увидеть вас и поговорить. Якобы чтобы детально расспросить вас о происшедшем в интересах розыска и дознания. Будучи в бессрочном отпуске перед отставкой с должности, он все еще Командир корпуса внутренней стражи. Думает, что мы все по струнке перед ним тянуться обязаны. Я объявила денщику, что вы еще слишком слабы для таких бесед. Но на следующий день – сами помните – граф Комаровский появился сюда лично. А до этого вызвал своих стражников и конных жандармов. Вчерашняя безобразная сцена, которая разыгралась здесь на ваших глазах...

Клер кивнула. Да, это было ужасно... Лучше бы этого не случилось вообще никогда.

И еще она подумала – они с Юлией и сейчас, и всегда говорили по-французски, на языке, который фактически являлся для них обеих вторым родным, потому что Юлия по-английски не знала. А вчера во время той «сцены» Юлия то и дело переходила с французского на русский, словно желала, чтобы смысл ее оскорблений графу Комаровскому дошел не только до Клер, но и до ее челяди, до дворовых, до стражников, жандармов, до всех, кто при этом присутствовал. А ведь русские дворяне специально говорят между собой на французском, чтобы прислуга и низшие классы, а также крепостные их не понимали.

– Место какое он себе выбрал для жилья! – Юлия всплеснула руками. – Не остановился на постоялом дворе – инкогнито ведь соблюдает. К тому же это в Одинцове, далеко от моего имения. Мог бы снять для жилья любой из окрестных помещичьих домов, что пустуют летом, потому что семьям не до дачного отдыха – у всех кто-то арестован и в Петропавловку заключен, ждет после суда этапа на каторгу и ссылку в Сибирь. Он снял у моих соседей Черветинских тот старый Охотничий павильон, что достался им в наследство от прежнего владельца. Так близко, Клер, от вас поселился ваш отважный спаситель – граф и генерал... Боже мой, какой он негодяй! Какой же он жестокий и бессердечный лицемер и сатрап!

Клер сама обняла свою подругу и хозяйку за плечи. Так и шли они, поддерживая друг друга.

Вечерний теплый ветер овеивал лицо Клер Клермонт...

Утром на четвертый день своего затворничества Клер все же отважилась заглянуть в зеркало над комодом. Она была готова ко всему – что у нее сломан или перебит нос, что глаза ее окружают багровые синяки, что она опухла и расплылась, словно жаба...

Она увидела свое осунувшееся лицо в обрамлении темных волос. В глазах тревожный блеск. Огромный лиловый синяк на виске. На щеке длинная ссадина. На лбу – царапины от мелких камней. Она подумала: останется ли на щеке шрам? – да вроде нет, это просто ссадина, она заживет со временем. Синяки долго не проходят, конечно, однако нет каких-то серьезных увечий, изуродовавших бы бесповоротно ее внешность.

Она открыла баночку белил, попробовала замазать ссадину, но за летние месяцы кожа ее, несмотря на нынешнюю болезненную бледность, все же загорела, а свинцовые белила выглядели уродливо, как театральный грим. И Клер решила оставить все как есть. Все равно в Иславском знают, что ее – английскую гувернантку – хотел изнасиловать неизвестный. Слухи уже разлетелись по округе. Так зачем она будет скрывать свои раны? Воины в битвах не скрывают их никогда. Хотя какой из нее воин?

Она даже не сумела разглядеть того, кто напал на нее.

Не то что защититься...

И если бы не этот генерал... Ко-ма-ро-вски... Клер тихонько про себя по слогам повторила его трудную русскую фамилию – имя спасителя надо запомнить, таков долг чести, несмотря ни на что.

Они дошли до дома стряпчего Петухова. Обычный каменный маленький одноэтажный домишко с двумя печными трубами, каких полно в русской провинции. Дом окружал невысокий забор – штакетник. Когда-то строение предназначалось для управляющего имением Иславское. Однако после того как эту должность стал исполнять Кристофер Гамбс, одинокий, бессемейный немец, ученый-механик и натуралист-философ и врач, ставший для Посниковых практически членом семьи, дом сначала сдали в аренду, а затем продали ушедшему на покой стряпчему Петухову, накопившему денег на судебных тяжбах и переехавшему сюда вместе с дочерью Аглаей из подмосковного Одинцова.

– Аглая днем еще должна была принести нам переписанные ноты, – заметила Юлия, открывая калитку. – Но мы с вами, Клер, зато прогулялись и поговорили о важном, что тоже хорошее дело. Вы со временем окрепнете окончательно: и физически, и морально...

– Да, Юлия. И спасибо вам за поддержку и участие.

– Вы мой друг. Вы опора мне в моем горе. – Юлия взошла на крыльцо дома стряпчего и постучала ручкой зонтика от солнца в дверь.

Никто не ответил.

Она попыталась открыть – дверь была заперта.

– Странно, они уехали, что ли? В Одинцово? Но все равно осталась бы его кухарка... Лука Лукич, откройте! А может, они в бане с кухаркой? Но где же Аглая?

Клер поняла, что стряпчего и кухарку, раз они могут совместно париться в бане на задворках дома, связывают не просто отношения господин-слуга, но нечто более плотское.

Она оглядела домишко. Как тихо... и даже куры не квохчут в курятнике. И кажется, что за весь день дом сей так никто и не покидал. Внезапно она ощутила словно бы укол в сердце – чувство острой необъяснимой тревоги.

Она повернулась и пошла вдоль стены до угла, заглянула и...

Гудение... много насекомых где-то собралось... Пчелы?

Под ногами хрустнули осколки стекла.

Окно на задней стороне дома, не видной со стороны дороги, было не просто распахнуто настежь – нет, створки в деревянных резных наличниках болтались каждая на одной петле. Стекло было выбито, подоконник усеян щепками.

Клер подбежала к окну – фундамент оказался низким, она могла разглядеть всю комнату, где страшным черным роем гудели мясные мухи, слетевшиеся сюда, казалось, со всей округи, потому что комната – девичья спальня – была залита кровью.

Постель, пол, стены – все в темных кровавых брызгах. И полчища мух.

Аглаю Петухову она сначала и не признала в той, что лежала на полу у кровати, хотя видела эту миловидную переписчицу нот в доме Посниковых часто.

Абсолютно голое тело, измазанное кровью так, что казалось сплошь красным, застыло в нелепой ужасной позе – задняя часть приподнята, под живот подсунуты пропитанные кровью

подушки. Лицом Аглая уткнулась в пол, на ее светлых волосах, разметавшихся по половицам, стояла тяжелая прикроватная дубовая тумбочка.

Клер смотрела на это и крик... дикий вопль был готов вырваться из ее груди.

Однако это было еще не все.

На пороге девичьей спальни лежала мертвая босая женщина: толстая, в ночной сорочке, наверное, та самая кухарка – сожительница стряпчего.

Голова ее была буквально расплющена страшным ударом – у нее фактически не осталось лица.

– Что там? Что вы там такое увидели, Клер? – тревожно спросила Юлия Борисовна.

А в следующую минуту она кричала от испуга и потрясения так громко, что сначала на ее вопль примчался местный водовоз, проезжавший мимо в телеге с бочкой, а затем соседские крестьяне, закончившие под вечер работы в поле.



## Глава 4

### Инкогнито из Петербурга

К дому стряпчего бежали люди со стороны барского дома, скоро собралась уже целая толпа. Пришел управляющий Гамбс, он заглянул в окно, воскликнул по-немецки «о майн готт!» и сразу отрядил посыльного к местному полицмейстеру в Одинцово, и велел немедленно послать за его сиятельством в Охотничий павильон.

Насчет полицмейстера Клер не была уверена – во-первых, до Одинцова неблизко, а во-вторых, когда она пряталась в своей комнате после нападения и лишь Юлию готова была видеть рядом с собой, та говорила, что уже посылала за полицмейстером и тщетно: тот вот уже две недели находился в жестоком запое от горя. Его единственного сына – офицера гвардии – по приговору суда за принадлежность к тайному обществу лишили чинов и званий и приговорили к бессрочной ссылке в Сибирь.

Граф Комаровский, за которым послали, приехал на лошади, его сопровождал денщик, лихо погонявший старую пузатую деревенскую клячу – такую лошадь он арендовал наспех себе в деревне.

Завидев Комаровского, спешившегося у калитки дома стряпчего, Юлия Борисовна, которая до этого, кое-как справившись с потрясением, отдавала распоряжения челяди ничего не трогать и не топтать следы под окном, заявила громко, что она возвращается в дом, потому что не в силах более выносить вида крови и всего этого кошмара.

– Идемте, Клер, – потребовала она.

– Юлия, я останусь здесь. – Клер Клермонт смотрела на своего спасителя. – Надо, чтобы кто-то из нас был в курсе того, что происходит.

– Вы еще слишком слабы. Вы нездоровы.

– Со мной все в порядке. Юлия, а вы идите, я приду позже и все вам расскажу.

Клер говорила тоном послушной английской гувернантки. Однако ощущала себя... снова странное какое чувство... Не страх, не отвращение, не слабость, не ужас... будто волна горячая внутри поднимается и захлестывает... Точно такое же чувство – гнев, прилив сил – да, сил! – она ощущала той памятной ночью в Италии, когда тайком в доме своей сводной сестры Мэри и ее мужа Шелли переодевалась в мужское платье, чтобы ехать с двумя нанятыми головорезами к монастырю, где он... Байрон держал ее маленькую дочь Аллегру. Клер хотела выкрасть дочь из монастыря и тайно увезти ее из Равенны в Рим. Все было уже готово. Одевшись в мужской костюм, она проверяла, хорошо ли заряжен пистолет – она взяла его тайком в кабинете Шелли. Она была готова стрелять... Да, в отца своего ребенка – в Байрона, если бы он встал на ее материнском пути... Он сам когда-то учил ее меткости стрельбы на вилле Диодати, и она в ту ночь была готова его убить.

Мэри и Шелли поймали ее в холле, они не спали в ту ночь, что-то подозревая. Шелли силой отнял у нее пистолет. А Мэри плакала и умоляла ее опомниться и не делать им всем «только хуже».

Вот и сейчас возле этого русского дома, пропитанного кровью, узрев страшные надругательства над юной Аглаей, Клер жаждала лишь одного – начать действовать. Потому что она была уверена, едва заглянув в то окно, – случившееся в доме – продолжение трагедии, произошедшей с ней пять дней назад.

Юлия Борисовна повернулась и зашагала к дому. Граф Комаровский смотрел на Клер. Она вспомнила вчерашнее «безобразное происшествие», что оставило столь тягостный след. Вчера графа ей Юлия, естественно, не представила. После «безобразного происшествия» она

вообще этого делать не собиралась. Но правила приличия оставались незыблемыми – он не мог обратиться к Клер вот так, без церемоний этикета.

Комаровский, как она уже отметила для себя вчера, был высокий атлетического сложения мужчина – зрелый, однако возраст его она не могла угадать. Сразу видно – очень сильный, широкоплечий, статный, с великолепной военной выправкой. Он был одет в старомодный серый длинный поношенный редингот в талию, что лишь подчеркивало достоинства его фигуры. Шляпы он не носил. Темно-каштановые волосы его были подстрижены по моде, но коротко, как у военного. Седина только на висках. Твердое лицо гладко выбрито. Высокие скулы и серые глаза. Его взгляд Клер ощущала на себе.

Он обошел дом, заглянул в окно, вернулся.

– Все посторонние вон отсюда! – скомандовал он почти по-военному. – Прочь! Живо! Христофор Бонифатьевич, а мы с вами сейчас зайдем в дом. – Он обращался к управляющему Гамбсу по имени, которым того звали у Посниковых, и Клер сделала вывод, что немца он знает давно и хорошо.

Под взглядом графа толпа челяди и дворовых начала редеть и очень быстро рассосалась. Остались Комаровский, Гамбс, денщик графа и... Клер.

– Мадемуазель, пожалуйста, уходите. – Комаровский все же обратился к ней по-английски.

– Ваша светлость. – Клер выпрямилась. Бог с ним с этикетом в таких чрезвычайных обстоятельствах. – Я бы хотела от всей души поблагодарить вас за мое спасение. Я перед вами в огромном долгу.

Она ответила ему по-французски, потому что на этом языке говорил и немец Гамбс.

– Не стоит благодарности, это был мой долг. – Комаровский перешел на французский. – Позже мы поговорим об обстоятельствах происшедшего с вами ради интересов дознания. Но сейчас вам лучше уйти. Зрелище не для женских глаз. В обморок еще упадете.

– Я не имею привычки падать ежесекундно в обморок, ваша светлость. Там, на берегу, я потеряла сознание от сильного удара по голове, а не от страха. И потом я первая подошла к дому и заглянула в окно. После этого мы и вызвали вас так спешно сюда.

Он посмотрел на нее с высоты своего роста, повернулся, взойшел на крыльцо и потянул дверь дома стряпчего.

– Заперто изнутри, Евграф Федотович, – констатировал Гамбс. – Я пытался открыть. Там крепкий засов. Сейчас кликну мужиков с топорами дверь взлома...

Комаровский ударил в дверь ногой в охотничьем сапоге. Треск. Дверь слетела с петель, перекосилась, однако застряла. Он ударил еще раз и рывком, сломав железный засов, распахнул ее.

Рой мух вырвался наружу.

Стряпчий Петухов лежал в сенях возле двери. Седой и лысый, в исподнем и стеганом халате на вате. Он лежал в скорченной позе на боку, прижав руки к животу, куда глубоко, по самую рукоятку, был вогнан нож.

Нож... так показалось Клер сначала.

Комаровский и Гамбс зашли в сени. Клер... волна гнева и решимости буквально втокнула ее в этот страшный дом следом за ними.

Комаровский оглянулся на нее, но ничего не сказал. Клер чуть приподняла подол своего нового черного платья и нижних юбок, стараясь не замарать их в крови. Та была густой и черной, местами на полу брызги уже высохли, превратившись в багровые пятна.

Гамбс склонился над телом старика-стряпчего.

– Как давно он мертв? – спросил Комаровский.

– Давно. Сейчас жарко, видите, тело уже раздулось, – указывал Гамбс. – Намного больше двенадцати часов прошло с его смерти.

– Ночью убили?

– Около полуночи или чуть позже.

Они вдвоем прошли в комнаты. Клер Клермонт шла за ними.

– О майн готт! – потрясенный возглас Гамбса. Он увидел убитую кухарку и мертвую Аглаю – вот так близко, а не из окна.

Клер оглянулась на сени – зарезанный ножом стряпчий... на полу рядом с ним подсвечник с сальной свечой. Она не торопилась в комнату Аглаи – слишком страшно все там. Она заглянула в боковую комнату – двуспальная разобранная кровать. На стуле женский сарафан и рубаха. Иконы в углу. В изголовье большой кованый сундук.

Евграф Комаровский подошел и встал у нее за спиной на пороге.

– Что вы видите здесь, мадемуазель?

– Клер. Я Клер Клермонт, ваша светлость.

– Наслышан о вас. В газетах европейских и наших немало читал на протяжении нескольких лет о вас и лорде Байроне. Вы его тоже звали ваша светлость?

– Нет. Я звала его... Горди... Его второе шотландское имя было Гордон.

– А меня зовут Евграф Федотович, – объявил Комаровский. – Так что вы видите здесь, бесстрашная мадемуазель Клер?

– Их общая спальня – кухарка, видимо, была его... романтической привязанностью. Они делили одну постель.

– Да. И сундук. И он не взломан. А где ключи от сундука? Где старые чиновники обычно хранят ключи от сокровищ, скопленных непосильным трудом? – Комаровский оглядел комнату и шагнул к иконам в углу. Серебряный оклад, неугасимая лампада...

Он сунул руку за иконы и... вытащил связку ключей, словно фокусник на глазах Клер. Подошел к сундуку, выбирая ключ, и угадал сразу – открыл сундук.

Пачки ассигнаций, документы, перевязанные лентой письма, жестяная коробка из-под леденцов. Комаровский открыл ее – она была набита золотыми рублями.

– Все его достояние на месте, убийца не тронул ни денег, ни ассигнаций. И документы судебные его не интересовали, – объявил Комаровский. – А что же его интересовало тогда здесь?

– Аглая, – тихо сказала Клер. – Вы же видели ее... что он с ней сделал. Это тот же самый человек сотворил с ней, который и на меня напал, когда вы меня спасли. Неужели вам это сразу не ясно?

Комаровский промолчал и повернул в сторону девичьей светелки.

Над телами кухарки и девушки склонился Гамбс.

– Ужасно... ужасно... такое зверство...

Клер прислонилась к дверному косяку. Она в этом страшном доме, а с ней двое мужчин... Бежать, бежать отсюда без оглядки!

Но нет, она не побежит.

Дело уже не в ней и не в том нападении на берегу пруда. Дело в этих мертвых телах... в невинно загубленных с таким диким зверством душах человеческих.

– Кухарку убили ударом по голове, – сказал Комаровский. – Один удар – и насмерть. Что-то тяжелое и острое было использовано – топор. И его в комнате нет. А вот кинжал свой нам убийца в теле стряпчего оставил, не вытащил.

– Я здесь не буду нож из тела вытаскивать, – сказал Гамбс. – Тела уже начали разлагаться, их надо перенести в сарай. Мы с вами, Евграф Федотович, их там тщательно осмотрим, когда... разденем.

– Да уж, Христофор Бонифатьевич, вам потрудиться придется, вспомнить свой медицинский факультет Гейдельберга, – заметил Комаровский. – От здешнего лекаря в таких делах

мало проку. Стражники мои тоже в медицине не сильны. Я сам, конечно, кое-что видел подобное по долгу службы. Однако то, что сделали с девицей, – за гранью моего понимания.

– Подсвечником поврежден *pars analis recti*<sup>5</sup>. – Гамбс растерянно сквозь свои круглые очки глянул на Клер в дверях и сразу умолк, не продолжая своей латинской фразы.

– Отчего она умерла? – спросил Комаровский.

– Давайте повернем ее осторожно.

Комаровский поднял тяжелую дубовую тумбочку, что намертво прижимала густые светлые волосы девушки к полу, не давая ей возможности двигаться и повернуть шею. Наклонился, поворачивая Аглаю на бок.

Ей был нанесен удар в лицо такой силы, что из раны торчали осколки костей скулы и подбородка. Лицо Аглаи было разрублено почти до самого затылка.

– Это смертельная рана, – сказал Комаровский.

– Вот именно.

– То есть она уже умерла, когда убийца чинил насилие над нею?

– Если еще не испустила дух, то уже умирала, была в агонии.

– Убийца вломился в ее комнату через окно, – сказала Клер. – Он напал ночью, когда они все спали.

– Не все, – возразил ей Комаровский. – Ее отец не спал. Он в домашнем халате. То есть был одет. И там свеча валяется на полу у его тела.

Он подошел к выбитому окну и внимательно оглядел его.

– Осколки везде, – заметил Гамбс. – И на подоконнике, и под окном на улице – вон смотрите, и здесь в комнате – тоже возле окна.

Комаровский оглядывал комнату, вышел в залу, потом в сени, в спальню. Клер видела – он о чем-то сосредоточенно думает, словно вспоминает что-то важное.

– Так, ладно, здесь уже тленом несет, – тела надо перенести в сарай, набрать льда из барских погребов, – сказал он. – Мадемуазель Клер, вы не могли бы сейчас пойти к вашей подруге и передать ей, что я прошу у нее льда из погребов в интересах дознания и следствия? Мои люди перенесут тела, и мы продолжим осмотр. А дом я пока закрываю.

– Хорошо, ваша светлю... То есть господин генерал...

– Евграф Федотович. – Он смотрел на нее – Вам все еще трудны в запоминании наши русские имена?

– Нет, Евграф Федотич. – Клер очень старательно выговорила его имя на русский, как ей казалось, манер. – У меня отличная память. Лед в сарай вам доставят как можно скорее.

– Благодарю, – коротко ответил ей Комаровский. – Христофор Бонифатьевич, а вам придется пустить в дело ваш инструмент.

– Я же не практикующий лекарь и не патологоанатом. – Гамбс развел руками. – Вы сами знаете, граф, я управляющий, учитель сына нашей доброй хозяйки, механик, ботаник и натуралист, я учился медицине также, но я не специалист в убийствах. И потому все, что я скажу, будет очень приблизительно.

– Так пока мы официального разбирательства дождемся, пока доедут до Иславского жандармы да здешний пьяница-полицмейстер, трупы у нас разлагаться начнут так, что мы вообще с вами ничего не поймем в их анатомии.

Дальше Клер уже слушать их столь профессиональный и такой бесстрастный деловой разговор не стала.

Хоть она и храбрилась, хоть и чувствовала прилив гнева и решимости... У нее просто уже не было физических сил находиться в доме, где так страшно, так тошнотворно пахло кровью, тленом и...

---

<sup>5</sup> Задний проход (*лат.*).

Что-то еще примешивалось к этому ужасному запаху.

Клер заглянула на маленькую кухню стряпчего – царство его кухарки-любовницы.

Из липовой кадки перло наружу вспухшее тесто.

Пахло сдобой...

Клер едва сдержала слезы – эти несчастные... они утром собирались печь и есть за завтраком сладкие пироги.

## Глава 5

### Осмотр

Тела жертв стражники (вызванные из уезда Комаровским сразу после нападения на английскую гувернантку) перенесли в заброшенный каретный сарай – он находился у канала и Посниковой не принадлежал. Клер Клермонт, переговорив с Юлией, прислала туда льда из кухонных погребов и много свечей. В сарай притащили лавки и уложили на них трупы, обложив их льдом. Денщик графа по имени Вольдемар лично гонял на своей старой пузатой кляче в Одинцово к местному полицмейстеру, но так и не добился от того проку – из многодневного запоя пьяницу не вывели даже два ушата холодной воды, которыми денщик графа лично и без всякой церемонии окатил его.

В результате Комаровский и Гамбс начали осмотр тел вдвоем, уединившись в каретном сарае при свечах.

– Света у нас достаточно, – заметил немец-управляющий, надевая кожаный фартук, в котором обычно проводил химические опыты. – Мадемуазель Клер умница, постаралась.

– Английская роза, – хрипло сказал Евграф Комаровский, снимая свой редингот. Он остался в черном жилете и рубашке, отстегнул запонки, засучил рукава на мускулистых руках и снял свой черный небрежно повязанный галстук.

Ножницами для стрижки овец Гамбс начал разрезать на старике-стряпчем ватный халат. Разрезал ночную сорочку на кухарке. Они осмотрели одежду вместе. Комаровский изучил узел на витом шнуре халата, проверил карманы. Достал очки стряпчего и табакерку с нюхательным табаком.

– Его не с постели подняли ночью, – заметил он. – Он еще не ложился. У него на ногах шерстяные носки – в такую-то жару. Вряд ли он спал в постели в носках. Хотя... старичок, подагрик... Как его звали-то?

– Лука Лукич Петухов. Его дочка – Аглая, ей и двадцати лет не исполнилось. Красивая была, хотя сейчас поверить в сие трудно. – Гамбс смотрел на вымазанное кровью тело девушки с разрубленным, изуродованным лицом. – А кухарка их Мавра. Сам Петухов был человек тихий, безобидный. Однако въедливый крючкотвор. Много тяжб вел в судах и все успешно.

– Дела барыни он вел?

– Нет. И в барском доме не бывал. Юлия Борисовна часто приглашала Аглаю в дом – та ноты ей переписывала, к ней у нас всегда по-доброму относились, Юлия Борисовна ей денег давала за переписку. С девицы начнем или со старика?

Комаровский кивнул на труп стряпчего. Голый и дряблый, с ножом, всаженным в живот, он выглядел не менее пугающе, чем другие два тела.

Гамбс надел кожаные рукавицы и потянул за рукоятку ножа. Но у него не вышло его вытащить из тела.

– О, майн готт... Нож-то провернули, видно, в подвздошную кость вонзился!

Комаровский надел вторую пару кожаных перчаток из саквояжа Гамбса с инструментами и сам потянул нож из раны. Дернул – вытащил. Осмотрел рукоятку и лезвие.

– Интересная какая вещь, а, Христофор Бонифатьевич?

Гамбс пожал плечами:

– Оружие – это по вашей части, господин граф.

Оружие действительно было необычным – и не кинжал с прямым лезвием, и не нож, и не тесак – кривой, изогнутый с расширяющимся утяжеленным концом и витой рукояткой. Никаких острых линий, обтекаемая форма. Грозное оружие.

– Никогда такого я не видел, – признался Комаровский. – Дорогая вещь, работа тонкая, иностранная, и сталь высшего качества. – Он провел пальцем по окровавленному лезвию.

– Рана смертельная, – констатировал Гамбс. – Такой штукой убийца ему все внутренности повредил сразу. С такой силой вогнал, что и сам, наверное, вытащить не смог, поэтому бросил такую заметную улику на месте преступления.

– Да, пожалуй, но, возможно, и нет. – Комаровский повернулся к телу мертвой кухарки. – А здесь что у нас?

– Кухарка Мавра... она у них в доме всем командовала и самим стряпчим. – Гамбс вздохнул. – Прямой удар в лицо большой силы. Тоже смертельный.

– Я прав? Ее ударили топором?

– Наверное. – Гамбс осматривал тело кухарки.

– Убийца вломился в их дом с топором и кинжалом странной формы?

– Окно-то выбито! Не рукой же он его вынес. Значит, топором!

– Да, окно выбито в комнате девицы. Только вопрос как. – Комаровский наклонился и поднял с пола окровавленную рубаху кухарки, из нее выпали какие-то грязные бурые тряпки.

– У нее кровь запеклась между ног, – сказал он. – Тоже имел место акт насилия? А, Христофор Бонифатьевич?

– Нет. – Взмокший от усердия Гамбс наконец-то закончил осмотр, вытер тыльной стороной руки потную лысину. – Я признаков сего не вижу там. В ее женском естестве.

– А кровь на ляжках?

– Визит полной луны это. Женские регулы. – Гамбс вернул инструмент в саквояж. – Женщина она была еще в самом соку, несмотря на тучность и скверные зубы.

– Значит, красные мундиры пришли, – брякнул Комаровский прямо по-военному. – Стряпчий с ней спал в свое удовольствие. Но и ее с постели не подняли в ту ночь. Они оба еще спать не ложились, только собирались.

– Услыхали грохот в комнате Аглаи, когда убийца туда вломился, и бросились на помощь...

– Нет, непохоже. Картина вроде как совсем другая в доме. Но я еще не разобрался досконально там, – заметил Комаровский. – Ну а теперь главная наша жертва – несчастная девица. Надо вытащить из нее этот ужас, – он кивнул на подсвечник, торчавший из тела Аглаи, она лежала на лавке на боку – так, чтобы было удобнее производить полный осмотр.

Гамбс со страдальческой гримасой на лице наклонился.

– До чего же доходит существо человеческое в жестокости своей к ближнему и слабому, – посетовал он, передавая окровавленный подсвечник Комаровскому.

– Это их вещь? Дешевое изделие. Вряд ли убийца принес с собой подсвечник, схватил тот, что стоял у кровати. Вы, Христофор Бонифатьевич, в доме сказали мне, будто она уже умерла, когда ее тело начали истязать?

– Да. Такая рана. – Гамбс осматривал рану на лице Аглаи. – И опять у нас удар большой силы и тяжелое острое лезвие. Топор был в руках убийцы, здесь это видно!

– Убийца ей волосы тумбой к полу прищипил, выходит, был не уверен, что она мертва, хотел ее обездвигить.

– То была агония, она могла биться головой об пол.

– Какое удовольствие насиловать труп?

– Извращенное. – Гамбс глянул на тело девушки. – И потом повторяю – она, возможно, еще жива была в тот момент, умирала, когда он терзал ее.

– Осмотрите ее женское естество, – тихо попросил Комаровский.

Гамбс начал молча это делать – уже визуально, без инструментов.

Комаровский отвернулся к окну. Смотрел на полную луну, что заглядывала в пыльное окно каретного сарая, плывя в дымке легких туч над парком, каналом и прудами. Тихая, благодатная августовская ночь – живительная прохлада в предвкушении дневного палящего зноя...

– Я следов плотских, оставленных убийцей в ходе насилия, не нахожу, – сказал Гамбс. – Кажется мне, что это был необычный акт соития.

– Убийца изнасиловал жертву при помощи медного подсвечника? – глухо спросил Комаровский.

– Да, причем произвел действия, которые с женским полом как бы не приняты, хотя... все это дело вкуса, конечно.

– И о чем это может говорить?

Гамбс пожал плечами.

– О том, что убийца страдает душевной болезнью? Или что он буйно помешанный? – спросил Комаровский. – Или же он – разнузданное похотливое животное, раб своих самых низменных инстинктов?

– Это вопросы душевного здоровья и морали, Евграф Федотович, а мы с вами материальными делами заняты этой ночью – осмотром тел.

– Водятся сумасшедшие в здешней округе?

– Не знаю. Подобные вопросы далеки от сферы моих деловых и научных интересов, уж не прогневайтесь.

В дверь каретного сарая постучали.

Комаровский сам открыл запертую на засов дверь, вышел и прислонился к ней спиной. Его денщик Вольдемар кого-то тайно под покровом ночи привел к сараю.

Клер Клермонт этого человека узнала бы. Он уже появлялся – накануне во время той самой «безобразной сцены», что разыгралась здесь в Иславском. И вот сейчас он стоял у каретного сарая.

– А, это ты опять, – бросил ему Комаровский. – Как там тебя, я забыл?

– Захар я Сукин, ваше сиятельство, – истово шепотом отрапортовал пришедший.

– Не из дворовых ты людей генерала Александра Сукина, коменданта Петропавловской крепости в Петербурге?

– Никак нет, ваше сиятельство, – фистулой просвистел прибывший. – Из рязанских я монастырских хлебопашцев. И не холоп презренный, а вольный человек. Стражу вашу внутреннюю я ой как уважаю! И хоть вы мне вчера по роже съездили жестоко, но я...

– Короче, дурак, чего тебе опять надо?

– Дык сведения... новости я для вашего сиятельства добыл важные! Себя не щадил, ратовал за полную правду!

– Что за сведения? – Комаровский смотрел на него с высоты своего роста. Плешь Захара сияла в свете луны.

– Так это... не первый случай в здешних местах... Девку-то аглицкую не первую это самое... употребили...

– Она английская гувернантка, барыня, госпожа твоя. Ты как о ней смеешь в таком тоне?!

– Ох, извиняюсь, да конечно... барышня они... но вот вам истинный крест – мамзель-то англичанка не первая... и дочь стряпчего, значит, тоже, и кухарка... Были и другие случаи этим летом и весной – в окрестных поместьях. Я все подробно для вас, господин генерал, разузнал!

Захар сунулся прямо к графу, склонившему ухо, и горячо что-то начал шептать ему.

– Дельный из тебя осведомитель, Сукин, – похвалил его Комаровский и бросил ему деньги, которые достал из кармана своего черного жилета.



## Глава 6

### Сатрап

Клер жаждала знать, что открылось им там, в каретном сарае, при осмотре тел. Что они нашли нового? Или ничего? Какие выводы сделали для себя? Она допоздна сидела на открытой веранде барского дома и смотрела во тьму – на редкие огоньки за прудами, за каналом, за Москвой-рекой. Время текло убийственно медленно. Дом словно замер – еще до отъезда Юлии Борисовны в Петербург весь прежний уклад в одночасье сломался – дети были отосланы к дальней тетке, столь любимые Клер домашние музыкальные концерты в гостиной канули в Лету, обеды и ужины в столовой не накрывались. После нападения на Клер все рухнуло окончательно – вся эта милая дачная жизнь...

Проходя через комнаты, Клер вновь остановилась перед зеркалом, разглядывая свои синяки – какой самоуверенной была она сегодня в доме стряпчего и вроде как даже стойкой, да? Мелькала там перед ними со своим разбитым лицом, ссадинами... Она вспомнила ужасную картину в девичьей спальне и Аглаю в пугающе непристойной позе. А ведь, возможно, и сама она, Клер предстала перед взглядом русского генерала со странным именем Евграфф у беседки в кустах столь же дико – с задранными на голову юбками и голой задницей.

Клер ощутила словно удар в сердце. Стыд... горячая волна обожгла ее щеки. Ну вот, малиновка моя, ты и опустилась на самое дно, которым он... Горди... Лорд Байрон в припадках бешенства столь часто грозил тебе.

Но что значат сейчас ее душевные терзания и жгучий стыд по сравнению с той мукой, что испытали перед смертью бедная переписчица нот, и ее отец, и та простая баба-кухарка, замесившая сдобное тесто, чтобы накормить семью? И если Клер еще была способна и постоять за себя, и расплатиться с тем, кто смертельно оскорбил и унизил ее учиненным насилием, то кто вступится за этих несчастных?

Убийство и поругание... после смерти, правда, мы уже ничего не ощущаем, но когда уничтожается сама суть внутренней человеческой природы, женская гордость, достоинство, стыдливость, душа?

Она внезапно вспомнила, как в одну из дождливых ночей на вилле Диодати, когда было так много воды вокруг и еще так много страсти между ними, он, Байрон, целуя ее грудь, теряя над собой контроль, забывшись, назвал ее вдруг именем своей сестры Августы. Она не сдержалась – дала ему пощечину. А он вдруг впал в такое состояние, что напугал ее – схватил за горло, резко повернул, вдавливая лицом в подушку и шипя ей в ухо: никогда, никогда больше не делай так, baby<sup>6</sup>... Не смей так со мной, моя детка... Он грубо, пылко, зло взял ее, словно портовую венецианскую девку, несмотря на ее отчаянные крики – потому что причинил ей, уже беременной на пятом месяце, боль.

Перед тем как удалиться к себе в комнату, Клер зашла в кабинет Посникова, где редко бывала, но там имелись вещи, которые сейчас влекли ее к себе. Коллекция оружия на стене, на персидском ковре. Обер-прокурор Посников собирал ее от скуки, потому как сам был человек гражданский, толстый и мирный – всю жизнь, до самой своей болезни, приковавшей его на несколько лет к инвалидному креслу.

Клер при свете луны разглядывала коллекцию. То, что она хотела заполучить, увидела сразу: маленький дорожный пистолет французской работы с инкрустированной рукояткой.

Клер сняла его с ковра, проверила – конечно, ни пуль, ни пороха. Это еще предстоит раздобыть. Пока оружие послужит ей незаряженным. У себя в комнате она достала ридикюль

---

<sup>6</sup> Малышка, детка (англ.).

– что-то надо убрать, освободив место пистолету. Лорнет ей нужен. Она извлекла чернильницу и дневник. Пусть пока полежат в ящике комода.

Ее дневник раскрылся, когда она положила его на комод. Клер прочла запись от 11 февраля, сделанную ею в Москве: она коротко описывала столичные аресты, произведенные среди светских знакомых Юлии Борисовны, и глаз ее зацепился за фамилию Комаровский! Так, значит, она о нем слышала еще зимой! Ну, конечно же... толки о генерале, что был послан новым царем искать следы заговора в Первопрестольной и сочувствовавших декабристам московских либералов. Но записала она не февральские события, а анекдот, услышанный ею в одной светской гостиной, где обсуждали последние политические события.

«Про Графа К. – Павел его сначала возвысил, а потом за дерзость разжаловал из флигель-адъютантов и сослал комендантом в дальнюю крепость на границу, а там по обыкновению смотр и парад каждый день, долгая муштра. Примчался курьер в крепость – разбудил рано утром. Граф ему – вижу по лицу, что император умер. То есть он сказал более грубо – наконец-то он сдох. Ну, значит, парада сегодня не будет. Повернулся на бок и снова уснул».

Странно слышать подобные речи от человека, которому вчера здесь в Иславском во дворе помещичьего дома Юлия Борисовна в лицо кричала: «Сатрап! Душитель свобод!»

Клер вспомнила вчерашнюю сцену, что разыгралась на ее глазах. Они с Юлией сидели на веранде.

Они услышали конский топот – граф приехал лично на лошади в сопровождении своего денщика. Он спешил... Решительно направился прямо к дому, к ним, сидевшим на веранде за чаем.

А за полчаса до его приезда явился управляющий Гамбс и сообщил им, что в имение нагрянули «стражники» и четыре конных жандарма – они разговаривают с челядью, вроде кого-то ищут. Может, напали на след негодяя-насилъника?

Граф Комаровский быстро взошел по ступенькам – Юлия Борисовна поднялась из-за стола. Однако они ничего не успели сказать друг другу, потому что послышались женские крики.

Через двор к крыльцу барского дома бежала, спотыкаясь, подхватив пышные юбки, полная женщина в темном платье. Шляпка, какие носили городские мещанские жены, сбилась у нее назад, открывая светлые волосы. Клер узнала в ней белошвейку, вдову унтер-офицера, скончавшегося от ран, полученных на войне с французом. Она проживала недалеко от имения и владела мастерской по пошиву белья и ночных сорочек.

За женщиной, топая сапогами, гнались трое стражников и плешивый приземистый молодец в шелковой алой рубахе и смазных сапогах. Он визгливо вопил:

– Держите ее, господа стражники! Слово и дело государево!

– Барыня! Юлия Борисовна! Спасите! Помогите! Не отдавайте им меня! – голосила белошвейка.

Стражники догнали ее, схватили за руки. Но она начала биться, кричать, вырываться.

– Что это значит? – гневно воскликнула Юлия Борисовна.

– Барыня! Спасите! Да что же это! Люди добрые, помогите мне! – кричала белошвейка истошно, отчаянно вырываясь из рук удерживавших ее стражников.

И тогда один из них – третий, в мундире унтер-офицера – внезапно со всей силой кулаком ударил ее прямо в живот.

Даже стражники такого не ожидали. Они сразу разжали хватку, и женщина рухнула на землю. Крики ее оборвались – от жестокого удара и дикой боли она лишь хватала ртом воздух... Царапала пальцами траву... Лицо ее покраснело, потом посинело, она схватилась руками за живот, скорчилась, согнулась.

Она не могла даже рыдать...

Сцена была столь омерзительной и страшной, что во дворе мигом воцарилась могильная тишина. Челядь, высыпавшая из флигеля кухни на крики – мужики, бабы, – стояли молча и смотрели на корчившуюся от боли на земле белошвейку, на стражников – солдат.

А Юлия Борисовна в упор глядела на графа Комаровского.

– Нравится ли вам сия картина, генерал? – спросила она тихо, но голос ее звенел и не сулил ничего доброго.

Комаровский спустился во двор.

– За что женщину ударил? – спросил он унтер-офицера, узнавшего его и вытянувшегося перед ним по стойке смирно.

– Ваше высокоблагородие, господин генерал, приказом начальства отряжен в Усово для задержания сына этой особы, написавшего и распространившего антигосударственный памфлет. Сын нами арестован и заключен пока в холодную.

– Арестовали в Усово. Здесь что забыли, в имении?

– Осуществляли задержание его матери для снятия допроса – свидетельских показаний. Она ж супротивничать начала нам! Вырвалась – сами вы видели. И потом она...

– Она речи поносные на священную императорскую особу кричала! Публично! – выпалил тот самый плешивый молодец в смазных сапогах.

– Какие речи? – спросил Комаровский.

– Его царское величество обозвала сусликом облезлым! – плешивый вытаращил глаза, словно и сам испугался, что повторил такое. – Я слово и дело государево сразу же кликнул! Оскорбление его царского величе...

– Браво, генерал Комаровский! Виват, граф, торжествуйте! – громко объявила Юлия Борисовна. – Может, и на антигосударственный заговор такие разговоры потянут, а? Может, еще один орден его царское величество повесит на ваш генеральский мундир за его пресечение? А вы, люди, смотрите, смотрите, что они делают и на что они способны. Стражники Корпуса внутренней стражи и их главнокомандующий!

– Барыня, они ж приказ выполняли! – обратился к ней плешивый молодец, крикнувший «Слово и дело», по сути спровоцировавший всю эту ужасную отвратительную сцену с рукоприкладством.

– А генерал Комаровский всегда исполняет приказы. Он же человек долга. – Юлия Борисовна жгла графа взглядом. – Он приговорил к казни благороднейшего и честнейшего человека и его соратников. Клер, а вы знаете, каков был приговор Высокого уголовного суда, в котором столь активное участие принял ваш спаситель граф Комаровский? – Внезапно Юлия повернулась к молчавшей потрясенной Клер, она перешла с русского языка на французский. – Уголовный суд приговорил их к четвертованию! Вы можете себе такое представить сейчас, в 1826 году?! Вы представьте себе это – и вашего спасителя, как он сидел в судилище и решал, как он выносил свой приговор!

– Суд состоял из многих членов разных сословий, мадам, не я один приговор вынес, – ответил Комаровский.

– Но вы командир Внутренней стражи, вы же не сошка. Вы столь влиятельная и важная персона в государстве. И ЧЕТВЕРТОВАНИЕ как приговор! Жестокости сего приговора испугался даже сам царь. С монаршей милостью он заменил четвертование на повешение. Такова была милость нашего доброго государя!

– Человек, о котором вы говорите, Петр Каховский, – сказал Комаровский, – он убийца. Он убил на Сенатской площади на моих глазах генерала Милорадовича – моего боевого друга.

– Боевого друга? А на какой войне вы дружили с ним? Где это вы воевали, генерал? Когда многие из тех, кого вы приговорили к лютой смерти, бились с французом на Бородино, покрыв себя славой, вы ездили по тылам – это всем известно, якобы занимались рекрутскими наборами

да лошадей забирали для армии со своими стражниками, которые тоже в бой с Бонапартом не особо рвались.

Клер увидела, как генерал Комаровский изменился в лице и побледнел. Видимо, Юлия Борисовна в ярости своей ужалила его в самое больное и уязвимое место.

– Когда надо встретиться с врагом в открытом бою под градом пуль на поле брани, вашей внутренней стражи нет как нет, – продолжала безжалостно Юлия Борисовна. – Но она тут как тут, когда несчастные люди взывают о справедливости и ропщут, а вы называете это бунтом. Они тут как тут – когда вот так безнаказанно можно ударить в живот кулаком беззащитную слабую женщину! Кого вы набираете в свои войска, генерал? Таких вот ублюдков? – Юлия Борисовна вновь перешла на русский, ткнув пальцем в унтер-офицера. – Нормальные люди записываются в полк, в гвардию и служат Отечеству на поле брани. А к вам идут садисты, которые желают безнаказанно творить насилие над беззащитными мирными людьми!

– Мадам, заберите слова свои назад, – бросил Комаровский. – Они оскорбляют честь корпуса, которым я...

– Клер, полюбуйте на своего спасителя! Сатрап! Жестокий безжалостный сатрап! Душитель свободы! – Юлия вновь обращалась к Клер. – Не то, что мы видели сейчас – не удар женщины в живот, не варварский садистский акт оскорбляет сатрапа, а мои слова – правда глаза колет!

– Правда в том, что ваш любовник Петр Каховский – убийца, и приговорен он был к повешению за совершенное убийство, – глухо ответил Комаровский. На Клер он за все время ссоры так и не взглянул.

– Я об одном жалею – что это не вас убили на Сенатской площади, а беднягу Милорадовича, – выкрикнула Юлия. – Жаль, не вас убили, когда вы заявили туда один со шпагой, когда весь мобилизованный вами Финляндский полк отказался вам повиноваться и стрелять по своим боевым товарищам на Сенатской! Да, я хотела бы, чтобы это вас застрелил Петр, потому что, – Юлия снова перешла на французский, – такой, как вы, сатрап, способный приговорить людей к четвертованию, заслуживает смерти! Но каков поп, таков и приход. Нынешнему государю служат либо жестокие бессердечные негодяи, либо раболепные продажные подонки – такие, как ваш плешивый доносчик, который ради денег донес на мою белошвейку! Я ненавижу вашего царя, генерал, слышите?!

Хотя Юлия и крикнула это по-французски, во дворе перед домом снова повисла тягостная тишина, словно все, кто и не знал языка, почувствовали: слова произнесены очень, очень серьезные.

– Может, вы и меня ударите кулаком в живот, генерал, чтобы я замолчала? – продолжала Юлия бесстрашно. – А что? Дерзайте! Верноподданнический долг разве не обязывает вас проявить и ко мне крайние жестокие меры?

Комаровский круто повернулся и зашагал прочь, коротко кивнув унтер-офицеру и плешивому молодцу – следуйте за мной.

Юлия сама крепко стиснула руку в кулак и по своему обыкновению прижала его к губам. Стражники неловко топтались возле сидящей на земле белошвейки. Они не понимали ситуации, но тащить ее снова в острог команды ведь не последовало. Юлия приказала своему лакею поднять белошвейку и увести ее в дом. С глаз долой.

Безобразная сцена... Так об этом крошечном ужасе отзывалась впоследствии сама Юлия Борисовна, обладавшая железным, негибким характером.

Сцена имела продолжение в сарае, куда денщик графа Комаровского втолкнул унтер-офицера и осведомителя.

– Ты что творишь, твою мать? – процедил Комаровский, надвигаясь на унтер-офицера, вытянувшегося перед ним во фронт. – Тебя кто и где этому выучил – бить баб?

– Так она ж... оскорбление его величества... сусликом облезлым она его царское величество... это ж... я и пресек!

Граф Комаровский ударил его левым кулаком прямо в лицо. И унтер-офицер, впечатавшись спиной в стену, потеряв свой кивер, сполз по ней. Заскулил от боли – короткий мощный удар графа выбил ему два передних зуба.

– Барыня-то наша тоже паскудные крамольные речи сейчас вела! – встрял плешивый, видимо, желавший заступиться за избитого стражника. – Ваше сиятельство, как же это... в приказе-то четко нам сказано, что ежели крамола какая-то, меры надо сразу...

Комаровский ударил его тоже жестоко и страшно кулаком левой руки прямо в челюсть. Плешивый взвизгнул, как раненый заяц, и рухнул на колени. Комаровский пинком ноги опрокинул его на спину и наступил сапогом на грудь.

– Все, что услышал здесь сегодня в имении, – забыть и никогда не вспоминать. Ясно? К тебе это тоже относится, дуболом. – Он глянул на стонущего стражника. – Бабу пальцем не трогать. Сына ее из кутузки сегодня отпустить. Делу ход не давать. Узнаю, что языки насчет нынешнего происшествия распускаете, – тебя сквозь строй прогоню шомполами, запорю до бесчувствия, а тебе, мордофил, – он сильно нажал на грудь плешивого сапогом, – оторву то, что у тебя между ног в портках болтается.

– Вы благодарите бога оба, что его сиятельство своей левой вас сейчас по мордам-то погладило, – заметил денщик Комаровского, наблюдавший за расправой. – А ударил бы правой – и головы ваши, как гнилые арбузы, треснули бы.

– Вольдемар, напомни мне потом написать начальнику губернского управления стражи – выплатить бабе за счет средств нашего корпуса деньги – компенсацию и взять с нее подписку, чтобы тоже языком не трепала, – бросил Комаровский денщику, уже в дверях, направляясь вон. Сел на лошадь и галопом поскакал прочь, бросив поводья.

Но о происшествии в сарае Клер не знала, «безобразная сцена» так и осталась в ее памяти и восприятии чем-то столь омерзительным и жестоким, что об этом больно было даже думать, особенно примеряя все это к человеку, который спас ее от насилия, позора, а может быть, и от ужасной мучительной смерти.

Она размышляла о тех событиях и об убийстве – все переплеталось и существовало уже неотделимо одно от другого. Клер думала о том, как ей, иностранке, вести себя и что делать в таких сложных обстоятельствах русской уездной жизни. Как вдруг в дверь, постучав, заглянула горничная. Она принесла два кувшина горячей воды. Однако по ее взволнованному лицу Клер поняла...

– Что быть? – спросила она по-русски.

– Барышня... мамзель... слуги на кухне и в людской шепчутся...

Клер досадовала на свое скверное понимание русской речи на слух. Горничная явно что-то хочет ей рассказать.

– Такое дело, барышня... Мамзель Клер... было и до вас то же самое... насильничали здесь. – Горничная ткнула на Клер, потом на окно, затем «страшно» округлила глаза свои, указывая на свой живот и лобок, постучала кулаком в ладонь, словно разговаривала с глухонемой.

Клер поняла.

– Еще быть? Нападать? Раньше?

– Да! – Горничная затрясла головой. – В мае! Вы еще с барыней и детьми не приехали.

Слова «май», «барыня», «дети» и «не приехать» Клер знала.

– Май? Нападать? Кто? – Она тревожно заглядывала горничной в лицо.

– Ах, кабы знать кто!

– На кого? – поправилась Клер.

– Агаша... Агафья. На поварню хворост она носит. Хворост собирает. Лес. – Горничная снова ткнула рукой во тьму за окном. – Там, в лесу на нее. Только она, мамзель, того... немая

она от рождения! – Она начала шлепать себя по губам, отрицательно вертя головой. – Ничего толком сказать нам в поварне не могла ни тогда, ни сейчас.

Клер понимала смутно. Однако смысл до нее все же дошел. Еще одна жертва изнасилования. Но она, к счастью, жива. Зовут ее Агафья и искать ее надо на здешней кухне.

Когда горничная ушла, Клер забрала кувшин с водой – сегодня она желала вымыться по-человечески в английской ванне, привести себя наконец в полный порядок.

Однако и этого было сделать не суждено. Подойдя с кувшином к двери ванной, Клер услышала сдавленный плач. Она приоткрыла дверь. В клубках пара в горячей ванне сидела Юлия Борисовна – с распущенными мокрыми светлыми волосами, как наяда. Она держала в руках миниатюру своего возлюбленного Петра Каховского.

Глухие рыдания сотрясали ее голое тело.

Потом она с силой ударила кулаком по воде, разбрызгав ее по полу.

Клер вернулась к себе и снова, как прежде, вымылась в тазу – полностью, поливая себя из кувшинов.

Затем проверила маленький пистолет в своем ридикюле. Он придал ей уверенности.

Спала она с перерывами. Проснулась с петухами и лежала, выжидая и строя план действий.

Он окончательно созрел у нее в восьмом часу утра. Клер оделась в новое черное платье без корсета из-за жары, забрала ридикюль с оружием и выскользнула из дома.

Она шла по покрытому утренней росой лугу вдоль канала и прудов прямо к Охотничьему павильону. Как ей казалось – у нее были такие важные сведения, которые просто не могли ждать.

## Глава 7

### Другие жертвы

Подходя к Охотничьему павильону, Клер замедлила шаг и оглянулась – на той стороне пруда статуя Актеона, терзаемого псами, отражалась в зеленой спокойной воде, как в зеркале. Клер приглядывалась, даже лорнет свой достала – что-то не так с этой скульптурной группой, что-то странное, а ведь она столько раз рассматривала ее вблизи. И кто воздвиг это подобие статуй парка Казерте и сам Охотничий павильон здесь, в русском дачном поместье?

Большие светлые окна павильона были открыты – Клер решительно шла по тропинке по берегу пруда к дверям. Но внезапно услышала глухие удары и скрип. Она снова остановилась – сам факт, что она, молодая женщина, ранним утром в полном одиночестве без сопровождающих идет к павильону, где остановился мужчина, по сути все еще незнакомец, хотя и спасший ей жизнь и честь... однако все же...

Но Клер никогда не была рабыней условностей. С Байроном она тоже познакомилась сама, сделав первый шаг в ситуации, когда прочие девицы просто выжидали бы и хихикали по углам. К тому же сейчас у нее были такие важные известия!

Но она все же медлила и тихонько заглянула в открытое окно.

Удар! Еще удар!

Охотничий павильон представлял собой обычное парковое сооружение, предназначенное для обедов и ужинов светского общества после веселой охоты в окрестностях. Он состоял из длинного зала с камином, расписанного по штукатурке под античный мрамор, и кухни с печью и очагом, где прислуга готовила господам ту самую дичь, которую они подстрелили на охоте. В зале прежде из мебели находился лишь длинный дубовый стол на двенадцать персон со стульями да старинные клавикорды у окна. Однако сейчас стол был сдвинут к стене. На одном его конце лежали стопкой книги и бумаги, стоял чернильный прибор. У окна помещалась походная складная кровать со свернутым серым солдатским одеялом. А у камина за выцветшими китайскими ширмами – видимо, они сохранились в павильоне с прежнего времени – появилась медная сидячая ванна. На стуле рядом с ширмой была брошена одежда – чистые рубашки и жилет. Слуга графа, тот самый Вольдемар, накрывал на дальнем свободном конце стола утренний чай.

Евграфа Комаровского Клер увидела в центре зала – обнаженный по пояс, он наносил удары кулаками в мешок с песком, подвешенный на веревке к одному из канделябров высокого сводчатого потолка. Клер видела нечто подобное в Лондоне – таким манером тренировались обычно знаменитые английские кулачные бойцы в том виде боев, что были так популярны в порту и в доках на Темзе – это называлось бокс.

С каждым могучим ударом генеральских кулаков мешок с песком раскачивался на веревке, канделябр скрипел, но держался. На спине Комаровского бугрились мышцы. Клер увидела на его теле шрамы – удары шпагой, след от пули на плече и на рельефном торсе большой плохо заживший след ранения.

Денщик Вольдемар, накрывая завтрак для графа, недовольно зудел:

– И долго мы еще здесь пробудем, ваше сиятельство? Право слово, прямо как басурмане на биваке в сей дыре. Это и домом-то нельзя нормальным назвать. Что же это такое? Поселились вы здесь – разве это по вашему положению, по чину вашему, по знатности?

– Отстань ты от меня, надоел. – Евграф Комаровский нанес град ударов по мешку с песком. – Мне здесь нравится.

– Ехали домой мы в орловское ваше имение так славно в дорожной карете, – пел Вольдемар. – Семья-то вас небось давно заждалась, эвон когда вы из Петербурга-то написали, что

едете. И супруга ваша, Лизавета Егоровна, наверное, все глаза проглядела! И ни строчки вы ей не написали о причине столь долгой задержки. Почти неделю уж сидим на этих развалинах, точно филины библейские... А переехали бы в Зубалово, а? Ваше сиятельство? Уж как там, в Зубалове-то хорошо, привольно – дом целый помещичий снять можно, уж если задержаться вам тут так необходимо.

– Зубалово гораздо дальше от... Вообще это не твое дело, дурак. Чаю мне налей лучше горячего. И полотенце намочи обтереться.

– Так о вас же беспокоюсь! О вас душа моя болит, ваше сиятельство! Мин херц! – Вольдемар, щуплый блондин лет тридцати, в бархатном ливрейном камзоле, что был ему велик и длинен, всплеснул руками. – Как вы есть не только барин мой, но и точно отец мне родной с тех самых пор, как вызволили меня из острога, где сидел я по глупости юных лет своих и несчастливой фортуны, так я неустанно пекусь о вашем здоровье и благополучии! Сыро здесь, и комары докучают вечерами. А в Зубалове-то такая красота... комфорт, диваны шелковые!

– Убийство кровавое в сих местах совершено, а не в Зубалове. – Комаровский боксировал с мешком с песком все яростнее. – И на барышню, девушку юную, здесь напали. В барском доме только женщины, прислуга ненадежна, труслива, а Гамбс – не военный человек, он ученый, к тому же пожилой... Если что опять, то... Защиты ей... им никакой, если переедем отсюда.

– Они барышня – иностранка, гувернантка, только уж далеко не девица – я у прислуги узнал, у нее дитя было прижито от знаменитого на всю Европу стихотворца, лорда английского...

– Заткнись. – Евграф Комаровский круто повернулся к денщику. – Ты чего язык распускаешь? Сплетни собирать опять побежал? Твое какое дело? Ну-ка камзол долой, иди сюда ко мне – чему я тебя учил, вспомним сейчас. В стойку вставай боевую. Англичане это спаррингом называют – бой учебный. Кому сказал – живо давай! А то тебя соплей перешибешь.

– Я и так весь вами избитый, как сей мешок! – взвыл Вольдемар. – Спарринг этот ваш, будь он неладен, вы силу-то свою соизмеряйте хоть немного, ваше сиятельство. А то так ведь и убить недолго верного слугу, который единственно только о вашем благополучии денно и ночью тревожится! Кто записочку в случае чего – ей... англичаночке от вас... дело-то житейское... так я ласточкой с восточкой полечу!

Клер за окном смысла всей их беседы не поняла – уловила лишь, что денщик о чем-то горячо просит своего господина, а тот отмахивается от него, словно медведь от надоевшей мухи. В облике Комаровского – при всей его военной выправке и грозном изяществе движений в ходе тренировки – было что-то медвежье. Клер поразила его атлетическому телосложению – словно античная статуя Марса ожила.

Под потолком павильона по сухой штукатурке неизвестным художником были намаляваны сцены охоты, а над камином – картины античного сюжета об охотнике Актеоне. На левой фреске он мчался стремглав от собак, на голове его вырастали рога. На правой собаки уже повалили его на траву – вместо человеческой головы у него была уже оленья, рогатая, а собаки рвали его тело, впивались клыками в горло.

Клер ощутила противный холодок внутри – от фресок ли жутковатых, или от того, что она осмелилась предпринять, заявившись сюда одна без приглашения, – к нему. К этому русскому!

– Sorry me! Good morning!<sup>7</sup> – громко известила она их о своем присутствии.

Денщик Вольдемар распахнул дверь павильона, вытаращился. Евграф Комаровский увидел ее – она потом часто вспоминала выражение его сумрачного лица, которое словно... или то были лучи солнца, сверкнувшие в его глазах?

– Вы? Мадемуазель? Вольдемар, проси нашу гостью войти. Я сейчас... в один момент. – Комаровский скрылся за китайской ширмой, спешно одеваясь. – Вольдемар, не стой столбом,

---

<sup>7</sup> Простите, доброе утро! (англ.)



проси мадемуазель пожаловать... морс малиновый налей нашей гостье... угости, пока я...  
Мадемуазель Клер, выпейте малинового оршада.

Русский, английский – все вперемишку. Вольдемар сделал церемонный жест – прошу, заходите в павильон.

Но Клер благоразумно осталась снаружи.

– Ваша светло... Евграф Федоттчч, у меня очень важные новости, поэтому я и пришла, – оповестила она его.

Комаровский возник в проеме двери – в белой рубашке, черном жилете, галстук черный повязан наспех, свободно, редингот свой он держал в руках. Смотрел на Клер так, словно вообще видел не ее, а светлый призрак, дух лесной.

Она сбивчиво начала рассказывать о том, что узнала вчера вечером – о еще одной жертве изнасилования, которую надо искать на барской кухне.

– Да, это очень важная новость. Да, конечно, спасибо... я тоже узнал вчера, что были и другие. – Комаровский кивнул.

– Осмотр тел вчера вам что-то прояснил?

Он рассказал ей лаконично – обозначил главные детали, без ужасающих натуралистичных подробностей.

– Я хотел вам написать сейчас... утром, прислать записку. Мадемуазель Клер, вы пришли одна, надо было хотя бы лакея с собой взять. Потому что небезопасно гулять, раз в окрестностях бродит жестокий убийца.

Клер раскрыла свой ридикюль и молча достала маленький французский пистолет. Показала ему.

– Это меняет дело, конечно. Вы вооружились. Похвально. – Он смотрел на нее с высоты своего роста. – Умеете стрелять из пистолета?

– Умею.

– Смею спросить, кто вас учил стрельбе?

– Байрон. Когда мы были в Швейцарии. Он многому меня научил в мои шестнадцать лет.

– Ясно. Смею еще спросить вас – вы постоянно в черном. Вы носите траур по лорду Байрону, умершему в Миссолонгах?

– Нет. Я ношу траур по своей дочери Аллегре. Она умерла четыре года назад в Равенне, пяти лет от роду.

– Я сам отец. – Комаровский, казалось, смутился или смягчился – выражение лица его вновь изменилось. – У меня умерли сыновья младенцами... и дочка умерла от грудной простуды. Я знаю, что это такое, какая душевная мука, когда они, малыши, уходят от нас... пусть и на небеса.

Клер глянула на него. Но ничего не сказала.

– Все эти дни, мадемуазель Клер, я волновался о вашем самочувствии и хотел...

– Узнать подробности нападения на меня в беседке в целях дознания и розыска?

– Да. Вы в силах говорить на эту тему?

– Человек, который на меня напал, убил Аглаю и всю ее семью, – сказала Клер Клермонт. – Это произошло потому, что со мной у него не вышло. Это из-за меня все они погибли, потому что...

– Нет никакой вашей вины, выбросьте это из головы, идемте. – Евграф Комаровский повел ее от павильона. Обернулся к денщику и сделал ему такой жест рукой – два пальца. Клер не поняла его смысла. Денщик Вольдемар заморгал и затряс головой – мол, понял, будет сделано.

Они шли по берегу пруда, показались канал и каменный мост. Комаровский осторожно расспрашивал ее о событиях того вечера. И Клер рассказывала ему, стараясь не упустить ни одной детали. Хотя что она видела? Ничего, никого... Птичку малиновку...

– Я наутро все у беседки осмотрел, – произнес Комаровский. – Там жидкая прибрежная грязь – следы были, но они нечеткие, не читаемые на земле, просто видно, что была борьба – вырванная трава с корнем, сломанные ветки кустов, сорванные листья.

– А вы его в тот вечер не видели?

– Нет. Когда я плыл к берегу, услышав ваши крики, напавший заметил меня первым. Он бросился бежать. Кусты трещали – это я слышал. Я подумал, что вы ранены и... я только об этом думал в тот момент.

– А ваши люди – денщик и кучер?

– Они не успели даже с моста спуститься. – Евграф Комаровский глядел на нее, он понимал, о чем конкретно она его спрашивает – что ее так гнетет и тревожит. – Они вообще ничего не видели. Я забрал вас оттуда – вы были без чувств, понес вас на мост к карете.

Клер вздохнула – у нее словно камень с души свалился. Мысль о том, что ее в ужасном, расхристанном, непотребном виде с задранными юбками видел *только он один, этот человек*, не была столь убийственной и стыдной, как прежние ее великие опасения.

Они дошли до барского дома.

– Вы сказали, что жертву насилия зовут Агафья? – Комаровский вернулся к делу, за которым они явились сюда. – Я получил сведения лишь, что она дворовая вашей подруги – имени мне ее не назвали. Еще мне сказали, что она немая. Давайте сначала завернем в людскую, расспросим там – если ее в усадьбе сейчас нет, мы за ней пошлем и разыщем ее.

И они направились к отдельно стоящему флигелю, где располагались поварня и людская усадьбы Иславское.

В людской, куда они зашли, Клер даже растерялась. В помещении, набитом прислугой, царил веселый лихорадочный содом, где все существовало словно в едином измерении: здесь месили тесто в кадках, терли хрен, хрустели солеными огурцами и квашеной капустой, зачерпывая ее в бочках в сених, спали вповалку на полу в углах на рогоже и на широких лавках, били мух на чистой выскобленной столешнице, закусывали кашей, хлебали щи, играли в орлянку и даже в жмурки и, никого не стесняясь, тискали сенных девок, шаря пятерней в пышных пазухах домотканых длинных крестьянских рубах. Здесь чесали пузо, чихали от нюхательного табака, пудрили парики – это делали молодые комнатные лакеи-щеголи, пришивали пуговицы, латали портки, пили спитой чай из барского самовара и делали еще тысячу разных дел – живя на народе, буйной ватагой.

Но вся эта пестрая жизнь мгновенно угасла, едва лишь генерал Комаровский зашел в людскую. Все усталились на него, встали. Воцарилось гробовое молчание. И Клер Клермонт, англичанка, иностранка, внезапно поняла, как же народ русский *не любит* командира Корпуса внутренней стражи. Народ не принимал генерала и сановника Евграфа Комаровского, полностью отторгая его от себя, вычеркивая его из своей простой жизни, что была до его появления в людской бурным ключом.

Клер ощутила, что и на нее словно темная тень легло сейчас это полное неприятие и отторжение генерала Комаровского от русского социума. И не гневные обличительные речи Юлии Борисовны были тому виной, и даже не подлый и жестокий удар женщины в живот офицером стражи – дело заключалось в чем-то гораздо более глубоком и серьезном.

Лицо Комаровского было холодно и бесстрастно, когда он обратился к слугам.

– Где дворовая Агафья, немая от рождения? И что вам известно о нападении на нее в мае сего года и учиненном над ней насилии?

Народ в людской молчал. Смотрели в пол, отводили глаза, хмурились.

Ответил им старик-повар, сухо сказал, что Агафья здесь, на задворках – чистит медную посуду песком и кирпичом, шпарит уксусом. Что хворост в лесу она более с тех самых пор не собирает, да и никто из баб туда не ходит: бояться. А в людскую они Агафью не пускают по причине тяжелого духа и вшей, что гуляют по ней табунами.

– Она немая от рождения, как я слышал, – сказал Комаровский. – И вроде как вам всем ничего не рассказала. А как же вы узнали, что ее изнасиловали?

– Ее пастушки нашли на опушке леса, – ответил старик-повар, – валялась она в траве, как скошенный сноп – рубище все ее было в клочья на спине изорвано, как малыцы-пастушата сказали, избил ее всю блудодей, насильник и шею ей свернул.

– Шею свернул? – Комаровский опешил. – Но она же...

– Живая она, сами увидите. Бабы – народ живучий. – Старик-повар насупил мохнатые брови. – Что же это вы, ваше сиятельство, избавите нас от сего лютого злодея и душегуба али как?

Комаровский не ответил повару, повернулся и пропустил притихшую Клер вперед, покидая негостеприимную людскую. Пока они огибали кухню, он кратко перевел ей слова повара.

Немую Агафью они увидели среди луж у колодца возле корыта с песком и тертым кирпичом и кипящего на треноге котла с водой. Рядом с колодцем располагалась уборная – теплая, зимняя, которой слуги поместья пользовались только с декабря по апрель. Выстроили ее по проекту Гамбса и приказу Юлии Борисовны, щепетильной в вопросах современной гигиены. Из открытой двери отхожего места с дощатыми стульчаками воняло негашеной известью.

Но вонь немую Агафью не смущала – и немудрено, от нее самой за версту несло так, что Клер едва нос не зажала, и лишь английская привычка держать себя, словно ничего такого и не происходит, выручила ее.

От немой они так ничего и не добились. Клер подумала, сколь неразборчив насильник в своих инстинктах, если позарился на такое несчастное существо – грязное, немытое, неполного разума, неопределенно какого возраста. Вокруг шеи Агафьи были намотаны тряпки, словно шарф, и это было странным в жару. Когда Комаровский спрашивал ее о том, что с ней случилось в мае, она лишь таращила глаза и сипела. Комаровский оступись от расспросов и послал за управляющим Гамбсом.

Когда тот явился, попросил осмотреть несчастную. Гамбс начал уговаривать женщину снять тряпки, намотанные вокруг шеи, но немая отталкивала его руки от себя. Тогда Клер решила ему помочь – она тоже тихонько, ласково начала уговаривать беднягу и даже напевать вполголоса старую английскую песенку о милой Мэри Джейн, английской розе. Протянула руки свои к грязным тряпкам и начала осторожно разматывать и снимать их.

Когда тряпки упали, они увидели огромную синюшную опухоль на шее Агафьи под подбородком. Гамбс, шепча свое любимое «о майн готт!», начал осматривать шею и сказал, что у женщины сломана подъязычная кость и повреждена гортань.

Клер обратилась к Агафье – схватила себя ладонью за горло, запрокидывая голову, а затем, как та горничная вчера, постучала кулаком по своей ладони, показывая на живот и ноги немой. Немая заскулила, заплакала, закивала.

– Это напавший ее изувечил, – уверенно заявила Клер по-немецки из-за Гамбса. – Гортань... Но она же и так немая! Зачем он это сделал?

– В имении всем известно, что она немая, никому ничего не расскажет. Но напавший, судя по всему, этого не знал. Возможно, она видела его или что-то такое, что могло на него указать. Поэтому он пытался ее задушить. Он не из Иславского, из других мест, – ответил Комаровский. – Я тут думал, не из мужиков ли кто, из крестьян или из дворовых сие вершит...

– Нет. – Клер покачала головой. – Когда он повалил меня на землю у беседки, он наступил мне на шею и потом на спину. Он был в сапогах или ботинках. А крестьяне здешние, как я знаю, ходят с весны либо босые, либо в таких плетеных... тапочках...

– Лапти из лыка. – Комаровский смотрел на нее. – Христофор Бонифатьевич, прикажите немую отвезти к лекарю в Одинцово – за мой счет. Я оплачу все лечение и ежели хирургию какую ей надо будет сделать срочно на горле.

Гамбс кивнул:

– Спасибо, сделаю не откладывая.

– С мая она бродит с такими ранами в сгнивших прелых тряпках, – сказал Комаровский Клер, – а никому из слуг и дела нет. Плевать на ее мучения, благо она рассказать о них словами не может. Запах от нее – так они даже в дом ее не пускают к себе. Брезгуют. Колупайся как хочешь. Дворовые холопы – люди жестокие друг к другу и равнодушные. Им только барская милость мила да выгодна. И подруга ваша, барыня Юлия Борисовна, людьми своими в имении не особо интересуется, как они живут, чем болеют. Хотя обожает заявлять, что знает, чем живет «наш добрый народ».

Граф произнес это с сарказмом. Клер ему ничего не ответила. Они оставили Гамбса с немой, а сами вернулись к людской. В воротах имения увидели денщика Вольдемара – он приехал на своей пузатой низенькой кляче, однако в поводу вел двух гладких оседланных лошадей. Причем одна лошадь была с дамским седлом! Забрал их для графа на постоялом дворе.

– Вторая жертва – молодая крестьянка из деревни Жуковка. В июле на нее напали, как я узнал, – объявил Комаровский и словно приказал. – Туда мы с вами, мадемуазель Клер, сейчас и отправимся. Но путь неблизкий, Жуковка – это владения ваших соседей Черветинских, у которых я и снял свое скромное жилище у пруда. Они знакомы вам?

Клер вспомнила, что оба брата Черветинских – старший Павел и младший Гедимин – приезжали с визитом к Юлии, когда они только переехали в Иславское из Москвы, и присутствовали на музыкальном вечере, где Клер пела обществу соседей. Там были все окрестные помещики. Но братьев Черветинских Клер выделила особо – Гедимина из-за его редкой удивительной красоты и сплетен о том, что он является потенциальным женихом очень богатой невесты, за которую в приданое дают и Ново-Огарево, и Кольчугино. Правда, невеста пока еще не вошла в брачный возраст. А брата его старшего Павла вследствие того, что... ох, бедняга! Клер вздохнула. Их отца, старого барина Антония Черветинского, она не видела и не знала, он не покидал пределов имения, будучи серьезно больным.

Все это она рассказала Комаровскому, пока тот осматривал придиричиво, как оседланы лошади и надежно ли дамское седло.

– Мадемуазель Клер, вы умеете ездить верхом? – спросил он, выслушав ее чисто женский монолог про соседей-помещиков.

– Умею.

– И снова смею спросить, кто вас учил верховой езде?

– Горди... Байрон.

– Это очаровательно. По слухам, он был отменный наездник.

Клер вспомнила, как Байрон учил ее верховой езде...

На вилле Диодати.

И до этого, еще в Англии.

Но по-настоящему она выучилась ездить на лошади в Италии, когда готовила похищение своей ненаглядной маленькой Аллегры из монастыря. Со дня смерти дочери она на лошадь больше не садилась.

Однако сейчас храбро погладила гриву гнедой сонной кобылы, примеряясь, как бы ловчее и грациознее вспорхнуть в дамское седло. Комаровский снял по случаю дневного зноя свой серый редингот. Он был без перчаток – отстегнул запонку, натянул манжет на кисть и в таком виде – закрытой – протянул ей свою руку, подсаживая в седло. Клер оперлась на его руку. Он сел на свою лошадь, бросил поводья.

– Вы давно не катались, я вижу, – произнес он. – Вы освоитесь, потом возьмете поводья, лошадь очень тихая, не беспокойтесь. Я ее сам пока поведу в поводу.

Клер решила, что надо им по дороге обсудить что-то, кроме «верховой езды».

– Вы прекрасно говорите по-английски, Евграф Федоттч. Где вы научились, смею вас спросить?

– В Лондоне. – Он обернулся живо. – Два года прожил в сем славном городе, будучи дипкурьером Коллегии иностранных дел в младых моих годах. Английский решил учить не по книжкам – поселился в одной прекрасной семье на полном пансионе у честной вдовы – жила она в Сохо с двумя очаровательными дочерьми. И они все учили меня английскому языку.

Он улыбался уголком рта. И мальчишеская улыбка освещала его твердое лицо.

– Вы и боксом увлекаетесь.

– Там же, в Лондоне, постигал правила и приемы бокса. Ходили мы всей нашей веселой компанией – с князем Репниным, графом Бобринским и капитаном, ныне адмиралом Сенья-виным, на бои между Джексонем и Рейном. Вы тогда, мадемуазель, и не родились еще. А поединки были знатные, ставки взлетали до небес. Я боксера Рейна себе в учителя нанял, для спарринга. Жестокий он был учитель, но дельный профессионал. Полезная штука бокс – человеку моей профессии всегда пригодиться может. Лорд Байрон, как я в газетах читал, тоже боксировал?

– Да, он боксировал с армейскими офицерами.

– Вас он на свои поединки приглашал?

– Нет, никогда.

– Хотел бы я встретиться с ним на ринге. Я бы вас пригласил. Вы бы делали свои собственные ставки. На нас.

– Это невозможно. Байрон мертв.

Пауза... И она все длилась...

– А я в Лондоне была только в раннем детстве, а затем приехала поступать в оперный театр певицей. – Клер выпрямилась в седле, искоса глянула на спутника. – В пятнадцать лет хотела покорить сцену. Вы бывали в лондонских театрах, Евграф Федоттчч?

– Во всех. И в Ковент-Гардене, где тогда пускали только в шелковых белых чулках и пудренных париках. Я и суд Олд-Бейли посещал из чистого интереса к уголовному процессу. Слушал разбирательства судебные, оглашение приговора. Вешали там преступников – за убийства, за отравления, за фальшивомонетничество. Вздергивали на виселицу. А у нас четверть века при государе моем прежнем Александре Первом, при котором состоял я в качестве генерал-адъютанта, смертная казнь вообще не применялась. Это так – к слову, чтобы вы знали... Чего бы вам ваша гневная подруга Юлия Борисовна ни рассказывала.

Клер поняла – и эту тему лучше оставить, разговор никак не клеился. Она решила прибегнуть к лести.

– Генерал-адъютант – это ведь как правая рука и личный телохранитель? Вы грудью своего государя везде защищали – и от пуль тоже? Закрывали собой? А скажите...

– Может, когда-нибудь и расскажу вам. – Он указал на деревеньку Жуковку, открывшуюся им с поворота дороги. – Но мы уже приехали. Дела впереди важные.

Жуковка словно вымерла – на кривых грязных улицах под палящим полуденным солнцем никого. Во дворах у завалившихся избенок стонут в лопухах куры, распластавшись крыльями в траве. Редко пробежит шелудивая собака с обрывком веревки на шее, сорвавшаяся с привязи.

– Страда началась, все в поле, – заметил Комаровский. – Спросить бы у кого про крестьянку Дарью Чичину и ее семейство.

Они с трудом разыскали во всей опустевшей Жуковке дряхлую старуху с клюкой, и та, шамкая, поведала им, что Чичины – сам большой и женка, а также сын их и невестка с малым дитем – в поле на дальних выселках: до березовой рощи ехать и потом повернуть в сторону Раздоров.

Туда они и отправились немедленно – минуя поля, засеянные пшеницей и рожью, по которым редкими точками ползали жницы с серпами и мужики-косцы.

Жертва вторая, Дарья Чичина, оказалась молодой матерью – жницы послали их на край поля, где стояли телеги и были сооружены легкие шалаши из веток и коры как защита и от

палящего солнца, и от дождя и ночной росы. Под присмотром свекрови Дарья кормила грудью ребенка, которому, на взгляд Клер, не было еще и полутора месяцев. Ребенок сосал материнскую грудь жадно. Клер вспомнила, как она первые два месяца кормила Аллегру сама, какое это было удивительное чувство, когда девочка, наевшись, утыкалась личиком в ее грудь и сразу засыпала – крохотный теплый комочек, сытый и нежный.

Как только Комаровский начал задавать молодой крестьянке вопросы о нападении, она прижала ребенка к груди и словно окаменела. С мужчиной – тем более барином, важным господином, она говорить об этом не желала – и не только стыд жгучий был тому виной. Клер решила вмешаться.

– Нападать на меня, – она ткнула себя в грудь. – Тоже нападать. Шесть дней назад. Как на тебя. Я не видеть кто. А ты видеть? Скажи. Пожалуйста. Скажи мне! А то нападать другие тоже и убивать!

Дарья Чичина еще крепче прижала ребенка к себе. Ее свекровь смотрела на нее недобро.

– Ты видеть кто? – повторила Клер пылко.

– Нет, ваша милость. Не видела. Он сзади...

– И мне назад. Бить меня. – Клер указала на свой синяк на виске и ссадины на лбу. – Ты видеть? Он бить меня. А у тебя как все быть? Скажи! Пожалуйста! Скажи мне правда!

– Мы на покосе... косили... сморило меня. – Дарья глянула на палящее солнце. – Жарко было, а я ведь родила всего два дня как тогда.

– Ты родить? Только родить? – Клер была потрясена. Она вспомнила свои роды, хотя они были и не тяжелыми, и не долгими – в семнадцать-то лет! Но она с постели не могла встать неделю, а потом еще столько же еле ходила по дому. Аллегру ей приносила ее сводная сестра Мэри, жена Шелли. – Ты родить и работать? Поле?!

– Покос же, – Дарья глянула на свекровь. – Барские мы тягловые, барщина... Трава стояла богатая, мы косили, а меня сморило. Упала я без памяти... Муж веток натыкал, плат надо мной растянул – когда я в себя приду, ждать им со свекром недосуг. И пошли дальше косить. Я долго лежала. Дитя заплакало, я опомнилась, поднялась, села, стала кормить дитя. Тут он на меня и набросился – сзади.

– А где вы косили? – спросил Комаровский, который слушал очень внимательно. – В каком месте?

– Заливные луга под горой, где кладбище старое с часовней.

– Но это же поле, открытое место, – заметил Комаровский. – Вокруг ни кустов, ни леса. И родичи твои косили луг – как же насильник к тебе незаметно подобрался? Так что никто его даже не увидел?

– Наши косили уже далеко, с пригорка в ложину спустились. А трава высокая была, богатая на покосе. Трава колыхалась вокруг от ветра... Может, в траве он ко мне подобрался... как зверь дикий. Или глаза отвел.

– И что дальше случилось?

– Снасильничал меня. Лицом наземь повалил, прижал. По голове бил, как барышню, как ее милость... чтоб я караул не кричала. Я землю грызла.

– А ребенок? – спросила Клер тревожно. – Он ребенок не трогать?

– Нет.

– Ты должна хоть что-то помнить, – не отступал Комаровский. – Скажи нам, не скрывай ничего.

– Не помню я ничего. Я как в яму черную провалилась. – Юная мать укачивала дитя, которое начало тихонько хныкать. – Не убил меня... снасильничал, но не убил. И дитя не убил. С собой не забрал, не утащил... туда, к себе в темень... Благодарить я его должна.

Клер насторожилась. О чем она говорит, эта юная мать? Как странно...

– Благодарна, что не убил тебя? – Комаровский покачал головой. – Хотя что-то вспомни – голос, руки его... запах... что он конкретно с тобой делал?

– Ничего я не помню, барин! – со слезами в голосе воскликнула Дарья Чичина, и дитя ее от ее отчаянного вопля тоже закричало, заплакало громко. – Что вы душу мне бередите?! Я уж и так... я в колодец хотела кинуться... В семье-то чужой с таким жить... опоганена я... и муж опоганенной меня зрит... Как жить дальше? Только на кого я дочку свою оставляю? Помрет она без матери. А так хоть в колодец, хоть на косе удавиться, все едино мне с тех пор!

– Ребенок твой! – Клер схватила ее за руку. – Ты – нет. Не думать. Не думать, не сметь! Ты мать! Ты кормить, растить дочь.

– Когда на тебя напали? Давно это было? – задал свой последний вопрос Евграф Комаровский.

– Первая неделя с Петрова дня. Покос.

– Начало июля, – сказал Комаровский Клер, когда они вернулись к лошадям, привязанным на опушке березовой рощи. – На немую напали в мае, на вас шесть дней назад, в конце июля, за три недели до того напали на кормящую мать. Есть еще одна жертва. Четвертая.

– Еще одна? – Клер отчего-то сильно испугалась.

– Как мне донесли, напали на нее тоже в июле. И кладбище старое там упоминалось. Любопытно... топография места... Мадемуазель Клер, наше путешествие вас не утомило? Вы не устали? Если отправимся прямо сейчас... Надо поскорее и с той бабой... то есть жертвой насилия поговорить.

– Я не устала. А куда надо ехать?

– Местечко такое здесь, в этих благословенных местах – Барвиха, – сказал Евграф Комаровский, подсаживая Клер в ее дамское седло. – Почтовая станция и трактир с номерами для проезжающих господ офицеров и лиц гражданского состояния. Там следы четвертой жертвы и предстоит нам с вами разыскать.

## Глава 8

### Барвиха, или шалава grenadier

Почтовая станция и трактир с «номерами» в Барвихе, которую люд окрестный чаще называл Оборвихой, слыл местом бойким, куда сходились все торные пути-дороги. Клер и Евграф Комаровский приехали туда, когда солнце сильно клонилось к закату. Весь путь они проделали по солнцепеку, от которого Клер страдала молча, не желая, чтобы русский генерал, который ездил на лошади как бог и словно и не замечал палящих лучей, слушал ее нытье насчет жары, духоты, пыли и докучливых мух.

В трактире, полном господ офицеров, чиновников и путешествующих помещиков, Комаровский сразу потребовал лучший отдельный кабинет, приказал подать обессиленной Клер холодного, с погребца, морса или взвара, а сам переговорил с трактирщиком о некой Скобеихе. Клер лишь диву давалась – отчего он, расспрашивая барвихинского трактирщика, вставляет английские словечки – blood и bloody<sup>8</sup>. Трактирщик прикрывал рот рукой, корчил рожи, покорнейше прося его сиятельство подождать чуток, так как Скобеиха сейчас в «номере» у проезжего жандармского полковника, который не велел их беспокоить.

– Сразу потом эту шалаву grenadier сюда ко мне, – приказал Комаровский. – А пока подай нам полный обед – ухи налимьей и расстегаев. А мадемуазель еще холодного взвара малинового. Ну и мне тоже тащи со льдом.

Слова шалава grenadier Клер в русском обиходе слышала – так называли женщин легкого поведения, продававших себя за деньги.

– Подождем, а пока пообедаем, вы проголодались, мадемуазель Клер? – спросил Евграф Комаровский, когда ловкие трактирные половые начали ставить на обеденный стол блюда и супницу с дымящейся ухой.

Клер, измученная жарой, решила, что и куска не в силах проглотить, однако, почувствовав аромат свежей ухи, она вдруг поняла, что голодна как волк. Комаровский налил ей щедро из кувшина малинового взвара. И себе тоже.

Опять малина! Надо же...

– Вы любите сладкое, Евграф Федоттчч? – не удержалась она.

– С детства. Не баловали меня в детстве сладким. – Он пил малиновый взвар и смотрел на нее, сидящую напротив за большим круглым столом. – Я в Петербурге родился на Песках и матушку потерял восьмимесячным. А отца на восьмом году. Так что круглый сирота остался в мире. Некий благодетель пристроил меня в знаменитый французский пансион для сирот, где все было как в Версале в смысле политеса и этикета, а мы, воспитанники, и русской речи не слышали – говорили только на французском и немецком. Было у нас там два отделения, два факультета: Факультет сирот оборванцев – ФСО и Факультет сирот богатых – ФСБ. Меня, конечно, в первый записали, и не было дня в пансионе, когда бы меня бедностью моей не попрекали. Так что кроме языков и философии, латыни и математики, занимался я усиленно фехтованием на шпагах и... дрался, конечно, отпор давал. Такой был буян. Чуть что я batter an visage comme un tambour<sup>9</sup> – как у нас говорят, бил в морду как в бубен. Наказывали меня за драки, но я не сдавался. Одевали нас в пансионе в красивую форму, учили, как носить мундир. А кормили скудно. Так что кроме взвара ягодного летом я ничего из сладостей и не пробовал, малиновый взвар мне амброзией казался.

---

<sup>8</sup> Кровь и кровавый (англ.).

<sup>9</sup> Бил по лицу как в барабан (фр.).



– И нам с Мэри, моей сводной сестрой, в детстве сладкого не давали, – призналась Клер. – Отчим Уильям Годвин<sup>10</sup> считал, что сладкое изнеживает, портит детей, а характер стойкий надо вырабатывать с детства. Я дочку зато сладким закармливала, пока она жила со мной, у меня.

– Уильям Годвин – философ, писатель, я читал его труды, памфлеты, хотя во многом с ним и не согласен.

– Он вырастил меня. – Клер допила малиновый взвар. – Его я считаю своим отцом. Я ведь бастард. Незаконнорожденная.

Евграф Комаровский смотрел на нее.

– Отчим долгое время был единственным моим учителем и авторитетом по жизни. А потом я поменяла взгляды, обрела нового наставника.

– Лорда Байрона?

– Да, его.

– Это правда, что он не выносил, когда женщина ест с ним за одним столом? Что женщины питались при нем украдкой на кухне вместе с прислугой?

– Нет. – Щеки Клер покрыл пунцовый румянец. – Мы с Мэри на вилле Диодати никогда не допустили бы подобного обращения с собой. И Шелли не позволил бы. Байрон это знал. Нас это не касалось. А над той итальянкой... Гвиччиолли он именно так издевался.

– Попробуйте уху, мадемуазель Клер. – Евграф Комаровский собственноручно налил ей в тарелку два половника янтарной ухи из супницы. – Ай да уха!

И они ели уху. Ничего вкуснее Клер не пробовала раньше – так ей казалось. И еще она думала: этот русский генерал, граф, аристократ с его загадочной противоречивой натурой, грубоватым шармом, бесстрашием и отменными манерами за такое короткое время стал для нее человеком, с которым она чувствовала себя так спокойно, так уверенно... Полностью защищенной, словно за каменной стеной... Комаровскому на третий фактически день их знакомства можно было сказать, не стыдясь, даже такую вещь, что она – бастард, хотя это не являлось секретом. Об этом писали все европейские газеты, разбирая по косточкам ее роман и последующую вражду с лордом Байроном. Она вдруг вспомнила, как в Швейцарии, катаясь верхом по горам, они с Байроном были застигнуты дождем и укрылись в маленькой горной таверне. И тоже сидели за столом при свечах. Байрон пил итальянское вино из плетеной бутылки и все твердил, что она со своими темными, как ночь, волосами и глазами, сверкающими, как звезды, напоминает ему героиню его поэмы – Медору. Чудо для поэта встретить наяву ту, о ком грезил, сочиняя стихи, говорил он, и сам был так красив в тот момент.

Байрон и сейчас незримо сидел третьим за их накрытым столом. И смотрел на нее с вызовом.

– Мужские причуды, как у лорда Байрона в отношении женщин, не столь уж редки. – Клер бросила собственный вызов Комаровскому. – И жестокое обращение, унижение не редкость. Мы с вами сейчас это наблюдаем здесь. Насилие над женщинами, убийство их. И даже то, что ваши помещики могут выгнать на работу в поле только что родившую мать, здоровье которой так слабо, разве это не издевательство над женской природой? Я у вас слышала поговорку: курица не птица, баба не человек.

Неизвестно, куда бы они зашли в своей беседе, но на пороге появился трактирщик. Он привел низенькую бойкую женщину с фальшивыми буклями и лицом, вымазанным белилами, не скрывавшими, что лицо ее конопато, словно сорочье яйцо. Это и была «этуаль» барвихинских «нумеров» Скобеиха.

Облаченная в розовый атлас по гипертрофированной моде уходящего, но столь популярного еще в глубинке Биденмайера, говорящая с сильным простонародным акцентом, Скобеиха, несмотря на свой зрелый возраст, все еще имела клиентов. И даже ее пагубное пристрастие

---

<sup>10</sup> Уильям Годвин (1756–1836) – английский философ и писатель, теоретик анархизма.

к выпивке мужчин, алчущих скоротечных любовных восторгов на проезжей дороге, от нее не отвращало.

– Барин хороший, я по пяти рублей за час беру, я не дешевка подзаборная, я дама публичная, – объявила она сразу и уставилась на Клер. – Тю! Да тут еще одна уже – что-то не знаю ее, вроде не из наших оборвих... Ты че сюда заявила, стерва? Тут наша вотчина, а ты пошла прочь, а то я те покажу, как мужиков у нас оборвихинских отбивать, которые при деньгах и рубли плотят...

Клер мало что поняла из ее злобной шепелявой скороговорки. А Комаровский бросил:

– Заткнись. Сядь. Ты по причине розыска и дознания сюда позвана – как жертва учиненного над тобой неизвестным насилия в июле сего года. Отвечай на наши вопросы кратко и вежливо. Помни, кто перед тобой. А то прикажу выдрать тебя на конюшне, чтобы ты не забывалась и не грубила благородной госпоже.

– Меня там насильничали, и вы, барин, выпороть грозитесь. – Скобеиха уселась на стул, положила ногу на ногу. – Куда уж бедной мне податься? Я про тот случай и не сказала бы никому, это селяне-дурики меня под кустом нашли у проезжей дороги. Решили, что убили меня, поэтому и шум подняли на весь уезд.

– Тебя не убили, а изнасиловали. Кто?

– А я почему знаю? – Скобеиха пожала плечами. – Не помню я ничего, барин. Память у меня с перепугу отшибло.

– Ты и за такое деньги берешь тоже? – Комаровский достал из кармана жилета золотой и бросил его Скобеихе. – За деньги расскажешь нам?

Она поймала золотой на лету – профессиональным жестом шлюхи.

– Я ж гулящая, продажная, – заявила она бесстыдно. – Все мне глаза колют, попрекают, а мне и стыдиться уж надоело. Так всем и говорю – продажная я баба. Если что – деньги вперед. А все остальное опосля.

– Рассказывай, как, что было с тобой, – потребовал Комаровский. – Мадемуазель Клер, я вам все переведу.

– Ничего бы не случилось, если бы тот хмырь не выкинул меня из своего тарантаса посередь проезжей дороги. И чего так взъярился, не пойму? Ну, выпила я бутылку дорогой, пока вез он меня к себе в имение.

– О ком ты говоришь?

– О герое войны с французом. О Черветинском Павле. Это который еще юнцом в двенадцатом году в полк сбежал гусарский, благо туда с малолетства приписан был и воевал в партизанах, за что и медаль ему фельдмаршал Кутузов повесил. Он, может, и герой, но с годами в такого жмота превратился! – Скобеиха покачала головой. – Прямо ничего святого! Торговал он тут меня – все цену мне снижал, потом в тарантас меня посадил и повез к себе в Успенское. Ну а я штоф с собой прихватила под юбкой. Хлебнула. А что? Я пила, пью и буду пить, и ни одна зараза мне не смеет в этом слово поперек сказать. А он мне – пьяная ты свинья, ужралась! И выкинул меня из тарантаса на обочину!

– Где именно? И во сколько то было? – спросил Комаровский, он переводил для Клер на английский очень лаконично, саму суть, опуская грубости Скобеихи.

– Да уж солнце почти зашло. Ехали ведь на всю ночь веселиться, безумствовать. Он, Павлик Черветинский, – парень горячий, несмотря на лик свой обезображенный. Он тут в Оборвихе у нас в нумерах постоянно пасется, словно бог Приап его подстрекает. – Скобеиха уже веселилась.

Клер с изумлением смотрела на нее. Как она может – об этом и таким развязным тоном?

– Лежала я под кустом, пьяная. Вроде как спала. Тут и проруха на меня – сначала-то я не поняла, тяжесть на меня какая-то сверху навалилась. Ну а потом ясен пень... Я с водки так ослабела, что и орать не могла.

– Что насильник с тобой делал?

– То, чего с бабой обычно не делают. – Скобеиха оглядела стол. – Выпить у вас нет ничего, фууу, как скууучно... Барин, прикажи мне рюмку подать, а то на сухую такое и не расскажешь. Комаровский кликнул полового, и тот принес большую стопку водки Скобеихе.

– Ну, значит, когда стрелы Амура мечут не в золотую вазу, как принято, а в медную помойную лохань. – Скобеиха показала непристойный жест. – Не отрок вы невинный, понимать должны, о чем я.

– И ты насильовавшего тебя не видела?

– Нет, он меня к земле все ничком прижимал собой, и лицо мне в грязь вдавливал. И за горло так... Я уж решила, тихо буду лежать, а то задушит он меня. Долго он меня не отпускал. Смеркаться уж стало. В темноте-то с ним я совсем духа лишилась, струсилась. Это ж его самое время – ночь, тьма.

– О чем ты?

– Так. – Скобеиха залпом хлопнула стопку водки. – Не спрашивайте, барин. А то решите – ума я там со страху лишилась.

– Ты храбрее остальных жертв, – заметил Комаровский. – Они вообще молчат. Слышала, что и других насильовали, как тебя?

– Слышала. – Скобеиха усмехнулась. – Они вам ничего и не скажут, эти курвы. Кто болтать о таком позоре станет? Да к тому же... он-то еще не пойман, до сих пор по лесам и дорогам бродит, неуловимый, незримый. Что ему стоит наведаться вновь к той, что о нем болтает? На куски ее порвать, как дочку стряпчего?

– Что ты знаешь о дочери стряпчего Аглае?

– Ничего. Только она больно часто ходила туда... неизвестно зачем.

– Куда? – спросил Комаровский.

– К старой часовне, на кладбище.

– Напали на тебя, я слышал, тоже неподалеку от того места.

– Я бы туда, барин, сама ни за какие посулы не пошла – к той часовне. Господин Черветинский меня там словно куль с тарантаса скинул, гореть ему в аду за это!

– А что в часовне? Кто там похоронен?

– Это уж вы узнайте сами, я и касаться такого не стану, ни за какие деньги. – Скобеиха затрясла головой с фальшивыми буклями у висков. – Ни-ни, я в такие дела не лезу.

– В какие дела?

– Темные. Потусторонние. Я лишь одно вам скажу – здесь в округе нашей, узнав, что блудодей творит с нами, женским полом, не слишком-то и удивились сему... Ну, кто помнит старые времена. Потому что и прежде... давно... Есть вещи, барин хороший, которым и смерть не помеха, и даже могила конец им не кладет.

– Скажи мне, наконец, о ком ты все твердишь недомолвками, я тебе еще денег дам. – Комаровский сунул руку в карман жилета.

– Нет, нет, я его имени и за деньги произносить не стану. Мало ли... он ведь меня уже знает, отметил меня. Что ему помешает ночью опять меня навестить и кишки мне выпустить. Его здесь у нас зовут порой...

– Как?

– Тот, кто приходит ночью.

– Как?!

Клер глянула на Комаровского. Он забыл про перевод. Его лицо выразило крайнее изумление.

– Днем он тоже приходит. Ему дневной свет не помеха. – Скобеиха мрачно вздохнула. – А что вы так вострепенились, барин? Слышали уж про него здесь у нас небось?

– Нет. Здесь я ничего такого не слышал. Ты первая мне сказала. Но я узнаю.

– Не приведи бог. Лучше не надо. – Скобеиха быстро, как все алкоголички, опьянела с одной стопки водки. – Эх, барин... брал бы ты свою кралою молодую и съезжал бы отсюда прочь. Не надо вам в такие дела соваться – ничего хорошего из этого не выйдет.

Она глянула на синяк на виске Клер. А затем вдруг, словно что-то поняв, сморщила набеленное увядшее лицо и улыбнулась ей печально, как старой товарке по несчастью.

Сказанное Скобеихой по дороге из Барвихи в Иславское они не обсуждали. Честно признаться, Клер едва дух переводила от усталости. Она старалась сидеть элегантно в своем дамском седле, но получалось неважно. Ее то и дело клонило на сторону, и она старалась не завалиться на круп лошади. Комаровский держался рядом – стремя в стремя. Ехали шагом в наступившей темноте по сельской пустой дороге под августовскими звездами. Комаровский молчал, лишь изредка вежливо подбадривал ее – «вы прекрасно держитесь в седле, мадемуазель Клер» и «нам с вами совсем немного осталось до поместья».

Когда добрались до каскада прудов и канала, Клер была ни жива ни мертва. Думала даже: может, сойти с лошади и остаток пути пешком проделать, может, легче станет? Не так больно спине?

Они огибали пруд с той стороны, где в темные воды смотрелась статуя Актеона, преследуемого псами. На противоположной стороне Охотничий павильон, окна его тускло светились – там денщик Вольдемар ждал своего господина, теряясь в догадках.

Луна выплыла из-за набежавшей тучи и осветила скульптурную группу. Клер ехала мимо мраморных изваяний, как вдруг...

Шорох в кустах...

И запах...

Легкое дуновение ветра донесло до Клер отвратительную вонь, которая в тот момент показалась ей трупной...

Ее спокойная лошадь захрапела, заупрячилась, не слушаясь узды, затем коротко испуганно заржала и...

Треск в кустах, шорох...

Волна ужасной воню...

Лошадь Клер визгливо ржала, упираясь копытами в дерн, и неожиданно взвилась на дыбы, перепуганная чем-то насмерть.

От неожиданности Клер завалилась назад, держась судорожно за повод и за конскую гриву, великим усилием стараясь не свалиться.

Евграф Комаровский, повернувшись, схватил лошадь Клер под уздцы, потянул на себя, подъехал почти вплотную, заставляя кобылу опуститься на землю, прыгнул и железной рукой снова дернул поводья, приводя перепуганную кобылу к повиновению. Свободной рукой он легко, как пушинку, снял Клер с лошади.

– Что это было? – воскликнула она. – Кто здесь?!

Комаровский оглянулся, он не отпускал Клер, загоразивая ее собой: она выглядывала из-за его плеча. Мысль пронеслась – как он все сумел в миг единый, не дал ей позорно упасть! Так он и царя Александра, наверное, оберегал и защищал, вот что значит телохранитель, адъютант царский бывший...

В свете луны из кустов выползла приземистая тень, вонь стала нестерпимой. Уже обе лошади храпели, прядали ушами, почти рвались с узды в руках Комаровского.

– Кто здесь? – крикнул он.

Ответом ему был невнятный всхлип или стон, а затем...

Раздался оглушительный визг, и тень устремилась прямо к статуе Актеона. Существо набросилось на статую человека с головой оленя и ветвистыми рогами и схватило его за мраморное горло, визжа все громче... громче... громче...

В свете луны мелькнули безумные глаза с закатившимися белками...

Лунный свет сиял и серебрился, отраженный водой пруда, и Клер внезапно ясно увидела, кто перед ними. Это оказалась немая Агафья! Шея ее была туго перебинтована – видимо, Гамбс позаботился о ее увечьях. Немая остервенело визжала, хрипела, скрюченными пальцами все сильнее впиваясь в мраморное горло Актеона – получеловека-полужверя с ветвистыми рогами. Она трясла и толкала мраморное изваяние с дикой силой, словно пыталась повалить статую в траву.

– Что ты делаешь? Рехнулась? – крикнул Комаровский. – Это камень! Не живое, это статуя, мрамор!

Они с Клер ринулись к безумной Агафье – от нее исходил тот самый ужасный запах, который Клер с испугу приняла за вонь разлагающейся мертвой плоти.

Клер споткнулась о мраморный пьедестал, заросший травой и мхом, едва не упала прямо на собачьи изваяния и вдруг...

Она увидела каменных псов и – был ли то коварный лунный свет или некий особый угол зрения – задумка скульптора, – внезапно Клер поняла, что ее так тревожило и настораживало раньше в этой копии статуи парка Казерте!

У собак, оскаливших клыкастые пасти, были человеческие лица. Точнее, нечто среднее – пугающая странная дисгармония и одновременно синтез образов – морды собак-людей, готовых впиться в мраморные чресла человека-зверя, увенчанного рогами.

– Успокойся, Агафья! – Комаровский, невзирая на вонь, попытался утихомирить безумную, разжимая хватку ее пальцев на горле статуи и оттаскивая прочь. – Да что с тобой такое? Ты почему опять ночью одна в парке бродишь? Зачем из дома ушла? Тебя в людскую не пускают? Пойдем, пойдем с нами... не бойся ты... не кричи...

Но даже он ничего не смог сделать с Агафьей.

Та вырвалась из его рук.

Засунула кулаки между коленей, сминая свое вонючее рубище, согнулась и дико и страшно закричала.

Аааааааааааааааааа!

Она орала так, что они почти оглохли.

А потом бросилась бежать прочь от пруда, от статуи Актеона, продираясь сквозь кусты, забираясь в самую их чащу, словно это за ней гнались каменные страшные собаки и были готовы разорвать ее на куски.

## Глава 9

### О том, как они провели тот вечер врозь

*И мой певец воздушный был:  
Он трепетал, он шевелил  
Своим лазоревым крылом;  
Он озарен был ясным днем;  
Он пел приветно надо мной...  
Как много было в песне той!*

*Байрон. Шильонский узник*

До барского дома они дошли пешком по липовой аллее, Евграф Комаровский вел лошадей в поводу. О случившемся у пруда они не говорили, Комаровский о чем-то думал, а Клер считала, что своими тревожными вопросами она создаст у генерала впечатление, будто испугалась сумасшедшей и потеряла над собой свой знаменитый английский контроль. Но она ведь и правда устала! А труса праздновать Клер Клермонт не привыкла. Они расстались у дома – Комаровский стоял и ждал, пока Клер не взойдет по ступеням на освещенную свечами открытую веранду. Только после этого он сел на лошадь и поехал прочь.

На веранде сидел за столом управляющий Гамбс. В открытом окне гостиной, среди легких белых занавесей мелькала в свете свечей неприкаянная горькая тень – Юлия Борисовна коротала вечер в одиночестве.

– Вас не было целый день, Клер, – сказала она громко, подходя к окну и давая себя разглядеть своей английской гувернантке. – Я уж и не знала, что думать. Ну и как же вы провели свой день?

– Мы отыскиали еще трех жертв насилия, ездили в Жуковку, Раздоры, Барвиху, – пылко ответила Клер. – Совершенное убийство не может оставаться нерасследованным, поэтому мы...

– Мы – это вы и граф?

Клер ждала. Вот сейчас Юлия скажет то, что обычно твердили ей в Англии в ее отроческие годы – что настоящим леди не подобает вести себя опрометчиво, давая поводы к пересудам, и надо всегда проявлять сдержанность, быть предусмотрительной, потому что мужской пол...

Но Юлия Борисовна была выше подобных мещанских предрассудков и сентенций.

– Я весь день одна, Клер. Вы бросили меня наедине с моим отчаянием. А обещали быть мне опорой всегда и везде.

Прежде чем Клер успела ответить ей, она взмахнула веером, накрывая им канделябр со свечами на рояле, и погасила в гостиной свет.

Клер почувствовала себя скверно. Правда... что тут возразишь? О Юлии Борисовне и ее горе она за весь день даже и не вспомнила.

– Вы отыскиали других жертв насилия? – спросил управляющий Гамбс. Сидя за большим столом, где накрывали утренние завтраки на веранде, он при свете свечей вертел в руках тот самый кинжал странной формы, которым убили стряпчего Петухова. Тер широкий клинок пальцем, всматривался сквозь очки.

Клер подумала – он должен тоже знать новости, присела на диван у стола и рассказала ему подробности сегодняшнего путешествия. А потом не удержалась и спросила сама:

– Герр Гамбс, а вы давно знакомы с генералом?

– Почти двадцать лет. – Гамбс глянул на нее. – Мы познакомились в Тильзите. Тильзитский мир, встреча двух императоров на плоту посреди Немана. Комаровский в то время уже был личным генерал-адъютантом государя Александра I, а я состоял на службе русского двора при его патроне графе Николае Румянцеве, библиофиле. На том плоту Наполеон встречался с Александром наедине, конфиденциально, но это же река, течение. Плот могло понести, опрокинуть – не дай бог царские величества утонули бы. Поэтому натянули с берегов канат, но плот надо было все равно удерживать на месте, страховать. И генерал-адъютант Комаровский, как личный телохранитель, три часа, пока шла историческая тильзитская встреча, в холодной воде удерживал тот плот, охраняя императоров. Даже его железное здоровье сего не выдержало – он свалился в жестокой горячке. Его лечил царский лейб-медик – но вышло так, что и мне пришлось вспомнить мои медицинские университетские познания. Мое лечение помогло больше. Выздоровев, граф взял меня к себе на должность ученого секретаря. Мы подружились. Пятнадцать лет, что я служил у него, незабываемы для меня. Когда с супругом Юлии Борисовны, обер-прокурором, случился страшный недуг и начал прогрессировать паралич, граф Комаровский попросил меня помочь его другу – я конструировал все те многочисленные кресла и каталки, на которых его возили лакеи, я следил за его здоровьем. Обязанности управляющего тоже перешли ко мне, и Ваню, нашего милого Ванечку, я стал учить немецкому и алгебре с геометрией... он делает сейчас такие успехи...

Клер кивнула, слушая очень внимательно.

– Могу сказать вам одно, мадемуазель, Комаровский сейчас несколько иной человек, чем тот, кого я когда-то знал. Тот был государственный, охранитель устоев, державник, он ни минуты не принадлежал себе, служа государю круглые сутки, сопровождая его в поездках, занимаясь делами Корпуса стражи, который сам же придумал и создал. Однако сейчас, после трагических кровавых событий нынешней зимы, после восстания, арестов, суда и казней, столь изменивших нашу жизнь, в преддверии своего бессрочного отпуска и отставки он... совсем иной! Какой – я пока не знаю. Но могу сказать вам одно – он всегда был человеком чести и долга. Он очень сложная натура, мадемуазель... Но вся жизнь русская сложна и противоречива – а мы с вами все же иностранцы. О Комаровском сейчас ходит много злых сплетен. Те, кто сочувствует восставшим, кто настроен оппозиционно власти, его откровенно ненавидят. Наветов и лжи вокруг его персоны хватает. Не верьте слухам, мадемуазель. Ну, например, тому, что он никогда не воевал, не был в бою. Был – он стал генералом в тридцать лет за доблесть, проявленную во время суворовских походов в Италию и Швейцарию. Его, тогда флигель-адъютанта великого князя Константина, посылали в самое пекло с батальоном гренадеров – удерживать переправу на перевале. Он был ранен пулей в плечо в сражении при Требии, залитый кровью, он ни слова никому не сказал до самого конца сражения.

Клер вспомнила, как увидела на теле генерала след пулевой раны, когда он боксировал в Охотничьем павильоне.

– Комаровского попрекают тем, что он не участвовал в боях в 1812 году, а занимался в тылу снабжением армии. Его оскорбляют этим все кому не лень. Мадемуазель Клер – я скажу вам, что было на самом деле, я был при графе в тот момент. Все лето двенадцатого года, когда армия Бонапарта продвигалась к Москве, граф рвался в действующую армию. Он написал на имя государя рапорт, где изложил свое видение ситуации о том, что прекратить войну и спасти Отечество и Европу от узурпатора могут лишь решительные действия – физическое устранение Наполеона. Он предлагал меры, как это сделать, и брался сам все лично исполнить, пожертвовать собой. Нашего прежнего доброго государя такие радикальные планы его адъютанта привели в ужас. Александр боялся, что граф – сорвиголова – на свой риск осуществит этот план, проберется в ставку французов и пристрелит Бонапарта. Только поэтому государь услали его как можно дальше от театра военных действий – в приволжские степи и дальше за Урал – реквизируют табуны у татарских мурз. Как русские говорят, от греха подальше.

– Спасибо, что сказали мне это, герр Гамбс. – Клер слушала все внимательнее, даже про усталость свою забыла.

– И самое главное. События декабря на Сенатской площади в Петербурге. – Гамбс сдвинул на лоб свои очки. – Вы с Юлией Борисовной и детьми уехали в Москву, но я оставался в столице. Ничего ведь не предвещало такой трагедии. В тот день мы как раз встретились с графом – он утром принес присягу новому царю в Зимнем дворце, и мы с ним поехали в типографию – он хотел забрать экземпляры царского манифеста для румянцевской библиотеки и заодно договориться о переиздании отрывка из своих «Записок» о суворовском переходе через Альпы, в котором участвовал. Мы мирно ехали в типографию, разговаривали про книги, как вдруг нас догнал посланный офицер, кричит: «Бунт на Сенатской, полки вышли из казарм, не хотят присягать». Комаровский ринулся туда – там военные, солдаты, офицеры, народу собралось со всего города! Он и генерал Милорадович начали всех уговаривать, просить опомниться, разойтись. Но все как в котле уж кипело. Стрельба началась. Милорадовича застрелили! Тогда Комаровский помчался в казармы Финляндского полка за верными частями. А в казармах тоже брожение, он им – братцы, мол, клянётесь вместе со мной поддерживать порядок в столице и привести бунтовщиков к повиновению? Клянётесь умереть со мной, если понадобится? Ведь умирать собрался там, на площади! Вы подумайте, мадемуазель, до чего дело дошло! Из всего полка единственный батальон пошел за ним. Вывел он батальон на мост Исаакиевский, сам идет в одном мундире со шпагой впереди – мол, с открытой грудью на вас иду, если что – первая пуля мне. Оглянулся назад – а батальон остановился на середине моста и ни с места. «Не будем стрелять по своим боевым товарищам» – вот что ему кричали солдаты. Он только зубы стиснул, шпагу в левую руку перекинул и пошел один на Сенатскую площадь. Один против восставших. Пока дошел – там уже артиллерию царь подогнал, картечью начал бить по ним, несчастным...

– Ах, какой яркий портрет вашего спасителя, Клер, нарисовал сейчас наш добрый Христовор Бонифатьевич, – послышался голос из темноты.

Юлия Борисовна, оказывается, все это время стояла у входа на веранду и все слышала.

– И что генерал отважен как лев, и что он благороден как паладин, и что жизнь свою ни в грош не ставит, рискуя собой ежесекундно. – Юлия Борисовна откровенно издевалась. – Да полно ли? О сатрапе ли Комаровском идет речь? Или о ком-то, кого наш добрый герр Гамбс сам себе выдумал как идеал доблести и рыцарства? А я вот письмо получила от княгини Волконской, мужа которого на каторгу по приговору Верховного уголовного суда наш сатрап отправил. Она мне пишет – весь июнь до отъезда в свой отпуск генерал Комаровский лично присутствовал на плацу на экзекуциях, которым подвергали солдат из восставших полков. Сто восемьдесят человек прогнали сквозь строй, забили шомполами... Сколько из них умерло от побоев? И ваш спаситель, Клер, при сем был, он все это наблюдал!

– Юлия Борисовна, горе застилает вам взор, вы категоричны, вы несправедливы к нему! – воскликнул Гамбс.

– А вы вводите мадемуазель Клер в заблуждение, и я этого не допущу!

Они начали яростно спорить, доказывая что-то и уличая друг друга, Клер оставила их – она не хотела слышать, как они ругаются. Она добрела до своей комнаты, разделась. Сполоснулась прохладной водой. Взяла щетку и начала сама чистить свое черное платье от дорожной пыли. У нее не было амазонки для верховой езды, а просить ее у Юлии она не смела.

Этот день, горячий от зноя...

Словно ветер шумел в ее голове. Она вспомнила, как Комаровский спросил ее, носит ли она траур по Байрону. И она солгала ему. Да, конечно, она носила траур по своей дочери, но когда он умер в Греции... когда его не стало...

Клер глянула на комод – три миниатюры: портреты дочки Аллегры, сестры Мэри и ее мужа Шелли. Четвертая миниатюра лежала изображением вниз. Портрет Байрона, который он



подарил ей, когда они расставались в Швейцарии – она уезжала, чтобы родить их ребенка на английской земле.

Да, она носила траур по дочери, она выплакала все глаза, но когда та умерла, она не бросила все, не поменяла свою жизнь. Она продолжала жить там, где и он, Байрон, не упуская его из виду, впрочем, как и он ее... И лишь когда он умер, она, задыхаясь от рыданий, отчаяния и странного чувства облегчения, смешанного с острой сердечной болью, осознала, что если не сделает что-то кардинальное в своей жизни, то тоже умрет... Она совершила свой личный побег в Россию, потому что надеялась – так далеко и холодно в русских снегах, и там все совсем иное, там о них с Байроном не знает никто, и она изменится душой, обретет покой и, возможно, забудет все... уже навсегда...

Но как же она ошиблась в своих надеждах!

Чего искала, она в чужой стране не нашла. А в свете последних ужасных событий, что обрушились на них в Иславском, о покое нельзя было мечтать даже в отдаленной перспективе.

Евграф Комаровский вернулся к Охотничьему павильону и передал лошадей денщику. Он снял жилет и скинул пропотевшую рубашку, надел чистую. На столе среди книг ждали его четыре письма – два привезла дневная почта, еще пару доставили фельдгегеря.

– Супруга ваша, Лизавета Егоровна, сразу два письма прислала. – Денщик Вольдемар хлопотал, накрывая поздний ужин. – Уж как ждет она вас, мин херц!

– Пенелопа ждет, Пенелопа пишет. – Комаровский повертел оба письма в руках и отложил в сторону, первым вскрыл толстый служебный пакет, что прислали ему по его приказу из уездного присутствия. – Я не голоден, есть не буду, ты налей мне бокал вина.

– Кто кричал так страшно у пруда, ваше сиятельство? – спросил Вольдемар, ловко откупоривая бутылку французского бордо.

– Так, одно *божесдурье*. Юродивая здешняя. Чего-то померещилось ей.

– Я хотел уж за пистолетами в дом бежать. Потом вас с барышней на том берегу разглядел. А что, есть совсем не желаете?

Комаровский покачал головой и сломал печати пакета из присутствия. Внутри были копии планов размежевания здешних земельных помещичьих владений и границ имений, принадлежавших разным владельцам. Комаровский приказал привезти их, чтобы уже детально по документам ознакомиться с топографией места, где происходили нападения на женщин и убийство семьи стряпчего. Он внимательно изучал планы. Они разнились – на чертеже от 1807 года границы трех поместий были одни, а на планах 1815-го уже совсем другие, намного больше, к помещичьим землям словно были прирезаны новые угодья, и вся эта чересполосица выглядела даже на схемах весьма хаотично. Комаровский читал на тонкой папиросной бумаге планов фамилии окрестных помещиков. Но одну так и не смог прочесть – и фамилия, и название поместья на плане 1807 года были залиты чернилами и затерты. А на плане 1815-го ничего этого вообще уже не было, никаких упоминаний.

Он выпил красного вина из бокала и вскрыл второй служебный пакет с гербовыми печатями, доставленный фельдгегерем из губернского жандармского управления. Он запросил документы сразу, как только поселился в Охотничьем павильоне.

Досье жандармского управления – с записками от зарубежной и внутренней агентуры, вырезками из английских, итальянских, швейцарских, французских, австрийских, немецких газет, а также многочисленные рапорты жандармов.

«Клара Мэри Джейн Клермонт... Полное имя, однако называет себя Клер Клермонт» – так начинался жандармский рапорт из досье.

Евграф Комаровский закрыл глаза. Этот день, летний зной, что как жидкий огонь, как горький хмель бродил в его крови...

Оторвавшись от бумаг, поймал взгляд денщика Вольдемара.

– Что смотришь, дурень?

– Ничего... так, ваше сиятельство... ну уж как-нибудь... может и сладится?

«Мадемуазель Клермонт – падчерица известного английского философа и писателя Уильяма Годвина, исповедующего анархические якобинские идеи. Ее мать была единомышленницей и подругой первой жены Годвина Мэри Уолстонкрафт<sup>11</sup>, тоже философа и писательницы, автора знаменитого манифеста феминизма „В защиту прав женщин“. Мать Клер Клермонт вышла замуж за Годвина после ее смерти и вырастила вместе с Клер ее сводную сестру Мэри Шелли – ныне столь известную беллетристку и писательницу, автора романа „Франкенштейн“, в идеалах Мэри Уолстонкрафт. Сводные сестры были очень близки, и когда Мэри сбежала из Англии с поэтом Перси Биши Шелли, которого увела из семьи, Клер из солидарности в свои шестнадцать лет последовала за ними в Италию и Швейцарию. До этого она успела познакомиться в Лондоне со знаменитым лордом Байроном, и у них завязался бурный, страстный роман. Мадемуазель Клермонт, поступившая на оперную сцену в Ковент-Гарден, разорвала контракт и уехала из Англии в Швейцарию к Байрону летом 1816 года. В это время там же находились и ее сестра Мэри с поэтом Шелли. Они много времени проводили все вместе на вилле Диодати на берегу Женевского озера, о чем есть подробные рапорты агентов русской разведки, для которой вся эта компания представляла определенный интерес».

Евграф Комаровский пил вино и читал донесения жандармов.

«Мадемуазель Клермонт, как и ее сестра-писательница, исповедует либеральные взгляды на отношение полов, ратуя об их равноправии, она сторонница идей женской свободы и самостоятельного выбора пути и спутника жизни, а также сторонница так называемой свободной любви и права женщины самой определять свою судьбу и вступать в брак. Обладает высоким интеллектом, пишет книги, свободно говорит на четырех языках, сейчас, по нашим сведениям, в России активно учит русский язык. Прилагаем к рапортам вырезки из европейских газет, подробно освещавших ее конфликт с лордом Байроном после рождения их дочери Аллегры, которую Байрон забрал на воспитание и годами не позволял мадемуазель с ней видаться. Дело доходило до открытого противостояния, до публичных скандалов, о которых бурно писала вся европейская пресса. По мнению газет, в жизни лорда Байрона, несмотря на огромное количество его романов и связей, главными были всего три женщины – жена Анабелла, сестра Августа и мать его дочери Аллегры Клер Клермонт. И все трое заставили, по мнению прессы, его сильно страдать. Байрон посвятил Клер Клермонт поэму „Шильонский узник“, а также стихотворение „Стансы для музыки“. Но мадемуазель Клер была не только его музой – известно, что Перси Биши Шелли посвятил ей свою поэму „К Констанции поющей“, являющуюся гимном интеллектуальной женской красоте и уму, а в поэме „Эпилсихидион“ упомянул ее в образе „пламенной кометы, увлекающей сердца“».

Евграф Комаровский сунул руку в вырез рубашки, потер грудь – сердце глухо билось, когда он все это читал.

---

<sup>11</sup> Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) – английская писательница, философ.

«После смерти дочери и лорда Байрона мадемуазель Клер Клермонт проживала во Флоренции, где была весьма тепло принята в кругах русских путешественников по Италии. Во Флоренции ее называли Clara la Fauvette – Клара Малиновка. Говорят, такое прозвище – „Малиновка“ – дал ей лорд Байрон».

Малиновка моя...

Английская роза...

«Лишь крайне стесненные денежные обстоятельства – после смерти Шелли они с Мэри остались фактически без средств – заставили такую выдающуюся яркую личность, как Клер Клермонт, искать место гувернантки в богатых русских семьях. Прежде того она пыталась получить оперный контракт в театрах Италии, но время ее для карьеры певицы было упущено, писали досужие жандармы в своих рапортах. Во Флоренции она познакомилась с вдовой обер-прокурора Юлией Посниковой и вместе с ее семьей весной прошлого года приехала в Санкт-Петербург. Предварительно она посетила Вену по оперным делам и все время пребывания состояла под тайным надзором австрийской полиции, как либералка, близкая по духу к „смутьяну и анархисту Уильяму Годвину“. В Петербурге она, несмотря на свое скромное положение гувернантки, стала всеобщим центром внимания, возбуждала любопытство в умах, сразу была принята в лучших салонах столицы, слывя признанной *esprite de societe* – душой общества. Под ее обаяние попали театральный деятель Каратыгин, юный сочинитель Веневитинов, литератор Василий Львович Пушкин, да и его племянник – известный стихотворец – в своей ссылке, по нашим оперативным сведениям, проявлял к персоне мадемуазель Клер повышенное любопытство. Прилагаем перлюстрацию письма Пушкина, где он пишет, что „не прочь познакомиться с мадемуазель, которая целовалась с лордом Байроном“».

Крак... Евграф Комаровский сломал гусиное перо, которое вертел между указательным и безымянным пальцами, читая жандармский опус.

Ах ты, Пушкин... мальчишка... что тебе до *ее* поцелуев?

Он перебрал книги, что всегда возил с собой в дорожном сундуке. Томик Байрона... Поэма «Шильонский узник» была одной из его любимых вещей. Так вот, оказывается, кто его тогда вдохновлял...

Он нашел и стихотворение «Стансы для музыки». Читал кристальные чеканные байроновские строфы. Взял новое перо, подвинул лист бумаги – попробовал вот так с ходу перевести:

*Нет ни одной из дочерей красоты соперницы тебе в очарованьи...  
Напевом сладостным напоминаешь ты...*

Вышло коряво и старомодно. Он вспомнил, как в юности потешался над виршами графомана Румянцева-Задунайского. А вот поди ж ты... И сам теперь...

*Пред тобою без слов склоняюсь я...  
Едва могу дохнуть...*

Он зачеркнул эту фразу. И смял лист бумаги с переводом.

Дурак... какой же ты идиот, Евграф... Граня...

Денщик Вольдемар, хорошо знавший своего хозяина, бесшумно возник за спиной и налил ему еще вина в бокал.

– Ну уж как-нибудь... ладно, чего уж теперь, мин херц, – хмыкнул он. – Только молодая она... Такая дерзкая, сюда заявила утром! А завтра она придет?

– Не знаю... Твое какое дело? – Евграф Комаровский глянул на денщика.

– Конечно, никакого моего дела нет, только я о вашем благополучии и *щастии* денно и ночью пекусь, потому как вы мне словно отец родной, ваше сиятельство. И я вот подумал – а что если мы ее похитим?

– Что ты несешь?

– Ну как в романе вашем французском любовном про спасенную невинность! Или как, помните, когда мы с вами на Кавказ ездили к князю Дыр-Кадыру, бородачу, усмирять диких горцев словесно? – Денщик Вольдемар хитро прищурился. – Они ж невест похищают, умыкают – на коня и в горы, а там уж сладится дело, куда деваться-то ей? Сказали мне у князя – в соседнем, мол, ауле жених украл члена... этого, как их, Совета старейшин, на старуху позарился, во! А здесь у нас такая красавица... Да кто в Англии ее хватится? Англия далеко, за морями. А вы здесь, рядом. Вы вон какой, мин херц! Кого уж лучше ей искать? Конечно, под венец с ней не выйдет никак, но мало ли – люди устраиваются и так. И живут в *щастии* и блажен...

– Ты пьян, что ли?

– Трезв, как стеклышко, мин херц!

– Тогда иди сюда. – Комаровский поднялся, поманил пальцем шуплого бедового денщика. – Поутру спарринг у нас сорвался, а сейчас самое время. Заплатишь за болтовню свою. В стойку вставай – ну? Готов? Держи удар!

– Мин херц! Да что ж это такое! Опять спарринг проклятуций – опять бить меня! – Денщик Вольдемар отбежал предусмотрительно в угол зала. – Да за что же это мне такие муки? А что я сказал такого? Просто помочь хочу вам...

Комаровский снова сел, собрал жандармское досье, вернул его в пакет, а тот запер в железный походный ларец, который тоже всегда возил с собой.

Луна заглядывала в открытые окна павильона, дробила свет свой в водной глади прудов, облекая словно муаром зеленой дымкой белый мрамор статуи Человека-зверя, Актеона с рогами. Евграф Комаровский ничего этого не замечал – то, чему предстояло стать главным кошмаром грядущих дней, пока пряталось в тени, словно выжидая, подстерегая их, неосторожных и беспечных.

Евграф Комаровский не думал об Актеоне, которого в его мраморном бесчувствии и холодности пыталась задушить изнасилованная немая Агафья.

Он думал о Клер, скользя глазами по строчкам стихотворения того, кого прежде любил и читал, а теперь ревновал и ненавидел.

## Глава 10

### Дом мертвецов и старое кладбище

Пробудилась Клер рано – в тот же час, что и вчера. Она высоко подколола свои густые темно-каштановые волосы, глянула на себя в зеркало – синяк на виске выглядел еще хуже, рубиновые ссадины тоже пока не заживали. Страшилище...

*Ему, наверное, противно на меня смотреть, ну и пусть...*

Клер оделась тщательно, она решила сегодня прихватить с собой флорентийскую соломенную шляпку – не ради кокетства, а дабы голову от солнца уберечь. Осмотрела свое платье и взяла две большие английские булавки, чтобы закалывать юбки при верховой езде. Однако, пройдясь по коридору до веранды, где в ранний час слуги накрывали завтрак для управляющего Гамбса (Юлия Борисовна так рано не вставала), она поняла, что ездить верхом сегодня вряд ли сможет. Спина и ноги болели, каждая косточка, каждая мышца ныла. Клер упрямо мотнула головой – я смогу, ничего, я все равно сяду на лошадь.

Она выпила за столом на веранде чашку крепкого чая, съела бисквит и взяла с собой горсть крыжовника, который обожала. Она ела его, пока спускалась в сад и шла по липовой аллее, которую в ранний час мел дворник усадьбы.

Евграфа Комаровского она увидела в конце аллеи – он стоял под липой в накинутах на плечи рединготе, сунув руки в карманы своих белых рейтуз армейского образца. Травинка во рту – он ее меланхолично жевал, поглядывая на аллею: выбрал такое место наблюдения, чтобы вся она просматривалась до самого барского дома.

Клер ощутила одновременно прилив радости и страха. Насчет того, что ее так обрадовало, она пока не разобралась, а вот страх... точнее, неприятное чувство смятения породили вчерашние гневные слова Юлии о том, что генерал присутствовал лично при экзекуции восстановивших солдат, которых прогнали сквозь строй, забив шомполами. Но затем она вспомнила ужасающую картину, что открылась ей в доме стряпчего – ладно, это сейчас важнее. Генерал – единственный человек, который способен в происходящем разобраться и поймать убийцу. Так уж вышло – такова русская современная жизнь.

– Доброе утро, мадемуазель Клер.

– Доброе утро, господин генера...

Он глянул на нее.

– Евграф Федоттч, у меня из головы не идет несчастная немая! – Клер осторожно шагнула на нейтральную почву. – Нам надо... – Она запнулась. – Вы сказали надо разобраться, значит, и в этом тоже.

– Поэтому я вас здесь и жду, нам предстоит много дел сегодня, – просто ответил он. – Ночью все было спокойно в доме?

Клер кивнула – вроде, но она же спала очень крепко, смертельно устав.

– Когда я привез вас в тот первый день, я сразу предложил Юлии Борисовне вызвать стражников корпуса и оставить их в поместье для охраны. Но она отвергла это категорически, заявив, что я хочу под сим предлогом учредить за ней полицейский надзор.

– Она никогда не согласится на присутствие ваших стражников в своем поместье.

– Ну да. – Он кивнул, задумчиво кусая свою травинку. – Как она вам меня представила? Сатрап? Роялист, душитель свобод? Палачом меня не называла?

– Нет. – Клер совсем смутилась. Они шли по аллее – Комаровский куда-то целенаправленно ее вел.

– И на том merci beaucoup<sup>12</sup>.

– Меня вчерашнее происшествие у пруда не напугало, но сильно встревожило. – Клер благоразумно решила сменить тему. – Конечно, немая не в своем уме, однако почему именно та статуя вызвала ее агрессию и отчаяние?

– Актеон – охотник, в мифе он ведь за купающейся Артемидой подглядывал и за это поплатился. Она превратила его в оленя, и его загрызли собственные собаки. – Комаровский вспомнил греческий миф. – Вполне куртуазный сюжет для паркового ансамбля. И Охотничий павильон. Одно только странно – на кого они там охотились?

– На оленей, наверное.

– Оленей в здешних лесах нет, и косули редки. По осени окрестные помещики зайцев да лис травят по старинке, а потом это же не лес, а парк – по ландшафту видно. Нет, охотой настоящей у прудов и не пахло. Павильон был построен с какой-то иной целью, я так думаю.

– А вы сами охотник? – спросила Клер с любопытством.

– По долгу службы в качестве адъютанта его величества принимал участие в царской охоте, хотя наш прежний государь сие развлечение не особо жаловал. Но приходилось устраивать – русский стиль, царская охота. Двор выезжал в костромские дремучие леса, иностранные послы, свита, все с такой помпой было обставлено. Медвежья охота зимой – русские забавы.

– Забавы?

– На пари. – Евграф Комаровский усмехнулся уголком рта. – Показать иностранным послам большой русский стиль – поднять злого медведя в берлоге. Один на один – по традиции, как мужики с ножом и рогатиной, без ружей и пальбы. Чтобы потешить его величество, приходилось и так.

---

<sup>12</sup> Большое спасибо (фр.).

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.